

Последний мученик

Дмитрий Короленко

18+

Дмитрий Короленко

Последний мученик

«Автор»

2026

Короленко Д. А.

Последний мученик / Д. А. Короленко — «Автор», 2026

Что ожидает в будущем человечество согласно Откровению Иоанна Богослова? Книга переосмысляет все события, предшествующие концу света, и рассказывает историю священнослужителя Матфея, которому начали сниться странные сны, а в дальнейшем ему предстоит сразиться с армией антихриста. В книге поднимаются такие важные темы, как значение смерти и отношение к ней, раскрытие многих человеческих пороков, взаимодействие человека с Богом, философские размышления о бытии, верности и предательстве, а также множество других интересных тем. Книга повествует не только от лица одного Матфея, но и затрагивает других персонажей, от лица которых читатель сможет взглянуть на картину погибающего мира.

© Короленко Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Странные сны	5
1.1. Морок и голубь	6
1.2. Злость и любовь	22
Глава 2. Революция	27
2.1. Яблоко от яблони	28
2.2. Давид Рамаут	36
2.3. ЧВК «Справедливость»	50
2.4. Анаксиос	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дмитрий Короленко

Последний мученик

Глава 1. Странные сны

*«Ибо тайна беззакония уже в
действии, только не совершится до
тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.
(2 Фес.2:7)*

1.1. Морок и голубь

xxxx г. от Р.Х.

Каково это — каждую ночь погружаться в обволакивающую пустоту? После закрытия глаз таинственным образом происходит перемещение в другую реальность — реальность, лишённую света и надежды. Она будто поглощает своей неизведанной пустотой, охватывая с ног до головы, словно вязкий туман, от которого невозможно укрыться. Так и манит, чтобы попавший в неё человек прислушался, став с ней одним целым.

— Я сплю? Или так выглядит смерть? — сам себе задал вопрос Матфей, голос его дрогнул в безмолвии тьмы.

С каждым разом становилось чуть холоднее, чем обычно. Вокруг лился туман, объятый чужим присутствием, а самое страшное заключалось в осознании собственной беспомощности. Вдали слышался хриплый и слегка мерзкий голос, уже в который раз издающий непонятные звуки — то ли далёкое шипение змеи, то ли чтение какого-то древнего смертельного заклинания, бесконечно повторяющегося, будто заевшая пластинка.

«Если хочешь что-то сказать, так почему бы не сказать так, чтобы стало понятно?» — подумал Матфей. И действительно, нет никакого смысла говорить загадками, если слушающему абсолютно не понятно ни единого слова. По крайней мере, ему именно так и казалось.

— Я разрешаю тебе говорить! — внезапно прогремел новый голос, который уже не был похож на первый. Он звучал как рычание льва, распространяющееся на всю долину, сотрясая саму ткань сна. Его интонация не просто говорила — она приказывала, словно прямо сейчас царь обращается к своим подданным, требуя беспрекословного подчинения.

Но, несмотря на одобрение, хриплый голос прекратил издавать какие-либо звуки и внезапно замолчал.

— Он... боится? — задался вопросом Матфей, однако ответа не последовало. Тишина давила, словно могильная плита.

— Я? Боюсь?! — внезапно послышалось хриплое возмущение, в нём клочкотала ярость. По всей видимости, сказать, что он кого-то боится, являлось самым грубым оскорблением. — Я не имею такого чувства, как страх, в отличие от вас, смертных тварей.

— Но всё же ты боялся вновь заговорить после разрешения, — чётко подметил Матфей. — В любом случае, что всё это значит? Который раз я погружаюсь в этот сон и не могу ничего понять.

— Придёт время, и ты своими же глазами увидишь свершаемое.

Не успев произнести ни малейшего звука, сон прервался, а по спине каплями тёк пот, прилепляя футболку к телу. «Что за время должно наступить? Может, это просто выдумка? И зачем вообще нужен этот мгновенный, непонятный сон?» — стал размышлять Матфей, пытаясь унять дрожь в руках.

Можно подумать, что это действительно всего лишь неудачная фантазия мозга, часто кипящего после очередных терзаний самого себя. Однако каждую ночь происходит одно и то же, даже время пробуждения такое же — 03:00. Странно полагать, что это банальное совпадение, ибо так часто оно происходит никак не может. Тем более сегодня особенный сон: наконец-то произошёл какой-то прогресс, хоть и малопонятный, но осязаемый, как первый луч рассвета в кремешной тьме.

Перекрестившись и прочитав «Отче наш», Матфей перевернулся на другой бок в надежде вновь уснуть (уж больно интересно ему стало, что всё это значит). Но попытка не увенчалась успехом. Спустя около получаса, когда бок уже перестал чувствоваться, стало ясно, что сна в эту ночь ждать не стоит. Жена спит, и тревожить её опасно; в телефоне особо делать нечего — значит, нужно вставать и совершать молитвенное правило.

Матфей удалился в соседнюю комнату, открыл молитвослов и до самого утра молился вполголоса. Все ли слова понимал — известно лишь Богу. Когда читаешь ежедневно одно и то же правило, то волей-неволей произносишь слова молитвы автоматически, позволяя разуму прогуляться по событиям прошедшего дня или обдумать новые решения, найти ответы на мучающие вопросы.

Матфей с женой жили в небольшой квартирке, полученной от его отца. Особо никогда не пиришествовали, но и от голода не умирали. Рацион их питания часто составляли каши да макароны, потому поститься не составляло труда. На банковской карте были деньги, но их часто хватало впритык, без каких-либо излишеств. Вроде и найдётся лишняя копеечка, а вместе с ней то отопление подорожает, то жена болячку подхватит, то одежда порвётся. Про путешествия или развлечения и говорить не стоит. Дай Бог выберутся куда-то за город на отдых и обратно домой. Для современного человека отказ от турне является настоящим трауром, однако семья Преображенских (такая фамилия у Матфея) не отличалась желанием часто выходить из дома.

Наступил рассвет. С первыми лучами солнца за окном начали щебетать птицы, за которыми раньше усердно наблюдал кот по имени Рыжик, пока у Матфея не началась аллергия и Преображенские не отдали кота в приют.

Внутри квартиры был не сказать что порядок, но уж точно не бардак. Некоторые вещи лежали на полу, так как на всю квартиру был лишь один шкаф. На стенах висело пару картин, покрытых пылью, маленький телевизор, более расцениваемый как раритет и отголосок прошлой эпохи, ведь в современном мире его вытеснили более удобные технологии. Повсюду валялись листы с напечатанными нотами, возле окна стоял синтезатор, часто звучащий скучными вечерами. Пара тумбочек, диван и прочее по мелочи. В комнате висел красный уголок с множеством икон и духовной литературой. В квартире ежедневно царил запах вкусного ладана, который Матфей приносил с храма и возжигал ежедневно, наполняя пространство тихим благоговением.

— Снова тот же сон? — прозвучал тихий женский голосок за спиной у Матфея. Это была его жена — Лиза. Мудрая и строгая девушка, наполненная любовью к своему мужу. Во всех трудных ситуациях можно было рассчитывать на её поддержку и заботу.

— Да, — ответил Матфей, взглянув на Лизу через плечо. — Всё такое... странное что ли... Я стал понемногу уставать от этого...

— Что ты имеешь в виду? — обеспокоенно спросила Лиза, в её глазах читалась тревога.

— Ну вот представь, что каждый день неизвестный человек тарабанит тебе в дверь со всей силы, а глядя в глазок ты никого не замечаешь. Что бы ты сделала?

— Позвонила в полицию или... установила бы камеры в коридоре.

— А если полиция не отвечает, а камеры не продаются, что тогда? — повышенным тоном произнёс Матфей, в его голосе звучала безысходность.

— Преображенский, ты меня последнее время пугаешь. Эти сны сводят тебя с ума. То ли ты дурак обыкновенный, то ли требуешь зарядить в тебя чем-то тяжёлым! — сложив руки на груди и нахмутив брови, Лиза дала понять, что необходимо заканчивать страдать.

— Тяжёлым?.. — переспросил Матфей, сбавив громкость общения, в его взгляде мелькнуло отчаяние.

— Да, тяжёлым! Желательно горячим утюгом. А пока этот поступок остаётся лишь в мыслях, тебе следовало бы начать собираться на службу! — приказным тоном сказала Лиза, указывая пальцем на поглаженные со вчерашнего дня вещи.

Конечно же, никаким утюгом Лиза бросаться не стала бы ни за что на свете. Однако в некоторых моментах общения с Матфеем она осознавала, что настал момент проявить лёгкую жёсткость и поугрожать, дабы муж не расслаблялся. И это имело свои плоды. Чудодейственной силой любое нытьё прекращало своё существование, и всё возвращалось в тонус.

Собрав силы в кулак, они направились в храм, где Матфей служил диаконом, а Лиза пела на хоре. Сегодня приезжает новый архиерей, служба должна быть на высшем уровне.

К сожалению, в последнее время численность священников заметно опустилась ниже нормы. В далёком прошлом было построено множество храмов, но людей больше не стало. Быть православным стало немодно. Веру заменили на гаджеты и прочие развлечения, отрывающие человека от реальности. СМИ любят для своей выгоды акцентировать внимание на плохих новостях, но журналисты даже не подозревают, насколько это вредит человечеству. А может, и знают об этом, но писанина в виде позитивных новостей не приносит доход в карман. К слову, люди сами выбирают, что им читать и чему верить. Наверное, скучно жить в мире, где всё хорошо и радостно. По крайней мере, греховная сущность человечества считает именно так. Требуется больше крови и зрелищ. Убийства, террор, пандемии, войны, страх перед будущим — все эти темы висят в заголовках новостных статей. Казалось бы, безобидные вещи — ты ведь просто читаешь, но реальность совсем другая. Люди стали терять надежду на любое будущее и часто стали замыкаться в себе, будто растворяясь в пустоте. В связи с этим ушла и любовь из сердец. Мир одичал и стал терять смысл своего существования. Тяжело не впасть в депрессию и малому количеству священников, ведь ненависть происходит не только за вратами храма, но и внутри него.

Отец Матфей часто вспоминал семинарские годы. Он их характеризовал как «золотые времена». Количество студентов варьировалось от десяти до двадцати человек — крайне малое количество, подчёркивающее духовный упадок людей, повлияло на массовое закрытие семинарий и академий, в своё время открывавшихся практически в каждом городе. Теперь со всей страны находилась лишь одна академия и парочка семинарий, тоскливо ожидающих часа своего закрытия.

Однако раньше не было так грустно. Хоть количество братий было крайне скудным, внутри семинарских стен царили любовь и взаимопонимание. Учебный день расписан на каждую минуту, и ежедневно приходилось взаимодействовать с остальными братьями, которые имели свои интересы и отличающийся характер. Были и споры, и разногласия, порой дело доходило и до кулаков, однако все неурядицы заканчивались примирением. Сейчас каждая история из семинарии откликается в сердце тёплыми воспоминаниями, ведь помимо трудных моментов семинарские годы наполнены радостными и весёлыми мгновениями: прогулами пар из-за неотпускающего сна, «прятками» от дежповов, тайными собраниями после отбоя — всё это и многое другое является неотъемлемой частью семинарии. Можно много вспоминать об этих годах, особенно за чашечкой чая или чего покрепче, но это совсем другая история, требующая много времени и душевного тепла.

Прошёл год со дня выпуска. Кажется, что так мало времени, но даже за день может произойти столько вещей, что не успеешь моргнуть глазом. Семинария уже расформирована, братия разбежалась по разным епархиям: кто-то принял сан и служит у престола в качестве священника или диакона, кто-то стал епископом и управляет епархией, а кто-то, увы, так и не сподобился принять сан. За это время изменился глобально и весь мир. Вне семинарских стен приходится сталкиваться с реальностью под названием «жизнь». Вокруг стало гораздо меньше красок и позитива, всё человечество словно уснуло в ожидании ближайших мировых изменений и нового порядка...

Звон колоколов перебил мысли отца Матфея. Приближался новый митрополит. Новое руководство всегда означало изменение определённых аспектов жизни каждого клирика. Однако в связи с нехваткой духовенства крайне редко происходили переводы настоятелей на другие приходы.

Стоит отметить, как было сказано ранее, ненависть горит не только за вратами храма, но и внутри него. Сердца священников окаменели настолько, что не осталось абсолютно никакого

почитания и уважения к епископу. Настало время начаться суду с дома Божьего. Если в душах священников царствует зло и лукавство, то что же творится в сердцах остальных людей?

Громким возгласом «Премудрость!» началась архиерейская служба. Больших хоров, как раньше, уже нигде не найдёшь. Приходится довольствоваться малым: пара женщин-самоучек; дай Бог найдётся бас и, может, кто-то из представителей молодого поколения с ещё не оформившимся голосом. К великой радости, Лиза умела не только петь, но и командовать людьми. Под её руководством хор старался каждую службу исполнить песнопения разных композиторов: от Бортнянского до Чеснокова и Архангельского.

Лицо нового митрополита было одновременно и добрым, и строгим, вселяя трепетное спокойствие. Седая длинная борода, аккуратно зачёсанные назад волосы на голове, полненькие щёки, суровый взгляд, нос картошкой и нежная отцовская улыбка. Звали его Симеон, в честь праведного Богоприимца. Отроду ему было шестьдесят лет. Образования, помимо семинарского и академического, у него не было. В юном возрасте он принял решение уйти в монастырь и посвятить жизнь Богу. Родители были в недоумении от данного выбора, но в конечном итоге смирились и приняли выбор сына.

Хоть храм был полупустой, складывалось ощущение, что сами ангелы невидимо стояли посреди тех немногочисленных прихожан и восхваляли в молитвах Бога.

Служба прошла крайне легко, и наступило время подходить брать благословение у епископа. Большинство священников натягивали с трудом на свои лица поддельные улыбки, стараясь показать, насколько они «рады» видеть новоприбывшего архиерея.

Из пономарей в храме был лишь один Витька — десятилетний парнишка со светлыми, вечно растрёпанными волосами. Он частенько приходил на службы и, кажется, вовсе не умел молчать: то спросит священника, почему свечи ставят именно у этой иконы, то поинтересуется, куда деваются огарки, то вдруг задумается вслух, сколько ангелов поместится на кончике иглы. Священники лишь вздыхали, качали головами и отправляли его в пономарку — «чтобы не смущал братию и не отвлекал от молитвы».

К диакону Матфею Витька, по непонятным причинам, питал особую дружбу. Может, потому, что тот был самым молодым из священнослужителей — и Витьке легче было найти с ним общий язык. Но главное — Матфей единственный не отчитывал парнишку за каждую мелочь, а порой и подмигивал ему, когда никто не видел.

— Дорогие отцы, я рад прибыть к вам и возглавить нашу кафедру, — обратился владыка Симеон к клиру, его голос звучал ровно и властно. — Надеюсь, мы с вами найдём общий язык и, как истинные христиане, будем усердно совершать молитвы для нашего спасения. Думаю, мы с каждым из вас познакомимся ещё поближе, но немного позже.

Взгляд архиерея, тяжёлый и проницательный, остановился на Матфее, словно невидимой рукой подзывая к себе.

— Отец Матфей, подойдите поближе, — произнёс епископ, чуть повысив тон.

Матфей шагнул вперёд, чувствуя, как внутри всё сжалось от недоброго предчувствия.

— Не знаю, новость это для вас или нет, но вы станете протодиакonom, — спокойно объявил Симеон. — Но не стоит переживать, в этом нет ничего страшного.

Матфей на мгновение замер, потом нервно сглотнул:

— Но... владыка, я же молод, — его голос дрогнул. — Я понятия не имею, как служить с епископом...

Симеон резко приподнял бровь, его взгляд стал острым, почти колючим:

— Неужели вы сомневаетесь в правильности решения архиерея?

Матфей почувствовал, как кровь прилила к лицу. Он поспешно склонил голову:

— Никак нет, владыка! Как благословите... — произнёс он смиренно, но в душе бушевала буря: он не понимал, рад он этому назначению или напуган.

— Вот и славно, — губы Симеона тронула едва заметная ухмылка. — Все остальные вопросы, отцы, попрошу обговаривать в моём кабинете с глазу на глаз.

Выйдя на амвон, Симеон начал проповедь. Его голос, спокойный и монотонный, заполнил храм, каждое слово звучало весомо и чётко. Особо подчеркнул владыка увеличение обмана в современном мире:

— Не обманывайтесь и не позволяйте лжи иметь верх над собой, — произнёс он, и в тишине храма его слова прозвучали особенно грозно. — Всякое слово, сказанное в разрез со Священным Писанием, есть от лукавого. Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби. Аминь.

После того как епископ покинул храм и уехал, Матфей невольно стал ловить на себе взгляды клириков, злобно перешёптывающихся у него за спиной.

— Вы только посмотрите — протоиерей митрополии. Надо же, какая честь! — послышалось из уст одного священника.

— Да вы теперь крысёныш архиереский, не так ли? Теперь он всё будет знать о нас, — с надменным взглядом обратился к отцу Матфею настоятель храма, протоиерей Николай.

Сам по себе он мало что из себя представлял. Упиваясь своим высоким статусом, для него весь клир был буквально сборищем недостойных людей. Напоминал он фарисея, который благодарил Бога, что он не такой, как тот мытарь в углу. Весь его диалог упирался в собственное эго и строился исключительно на унижении и насмешках над подчинёнными. Лысая голова, которая постоянно отражала падающий свет с окна, борода слегка плешивая, большой лоб, на котором располагался небольшой и слегка продолговатый шрам, брови кустистые, угрюмый нос, карие глаза выпучены, прямо как у голодной собаки, готовой сожрать того, кто посмеет отнять кость из её рта. Весь горделивый взгляд отца Николая прямо и намекал, что он и только он имеет полноту власти над любым человеком, приходящим в его храм.

Матфей значительно отличался от него внешне и внутренне. Взгляд его был чрезвычайно спокойным и решительным, хоть иногда виднелась слабость. Глаза зелёные, худощавое телосложение, русые волосы, подстриженные в удлиненный полубокс со слегка выбритыми висками и затылком, ровные брови, небольшая лопухость, маленькая бородка, аккуратный нос и вырывающиеся во время улыбки ямочки на слегка румяных щеках.

Возраст Матфея не соответствовал его мыслям. В двадцать три года мало кто задумывается о чём-то более глубоком, чем тусовки и измерение денежного состояния. Однако у Матфея были абсолютно другие ценности. Он обзавёлся уже женой, не стремился к материальным благам и не желал себе власти и почитания. Первое впечатление от знакомства с ним у всех было разное: одни видели в нём наивного мальчишку, другие — просто весёлого парня, и лишь некоторые знали, насколько серьёзным и преданным он может быть.

Матфей сталкивался уже с осуждением со стороны людей. Чего греха таить, люди осуждают его чуть ли не каждый день, хоть в лицо этого и не говорят. Доказывать что-либо не имело смысла, уж тем более оправдывать себя, однако обида всё равно постепенно нарастала.

«Не пойму, почему против меня так ополчились, причём уже не в первый раз?» — подумал про себя Матфей, еле сдерживаясь, чтоб не высказаться о накипевшем. Хотелось бы прямо сейчас развернуться и зарядить настоятелю меж глаз, да так, чтоб звёздочки пошли. Стиснув зубы и сжав кулаки, Матфей остановился. Уж было собирался предпринимать какие-то действия, но в голове мельтешило лишь одно слово: «Оставь!»

«И ведь действительно, — подумал диакон, — ну прилетит ему от меня, дальше-то что? Ещё больше обвинений, пойдут слухи, тонны ненависти и, в конечном итоге, запрет в служении. Он не стоит моего внимания».

Не сказав ни слова, Матфей разоблачился и направился к выходу из храма, по пути краем уха слушая обвинения в свою сторону.

— Смотрите-ка, наш новоиспечённый протоиерей уже и уходит изволил! — едко бросил один из священников, нарочито растягивая слова.

— Да пусть идёт, пусть идёт, — подхватил другой, с кривой усмешкой. — Теперь ему с нами, грешными, и водиться-то не положено. Небось, владыка Симеон его к себе в советники возьмёт, будет шептать ему на ухо, кто тут чего не так сделал...

Матфей стиснул зубы, но не обернулся. Он шёл к выходу, чувствуя на спине эти колющие взгляды, словно сотни невидимых иголок впивались в кожу. В груди клокотала буря: обида, гнев, растерянность — всё смешалось в один горячий ком, подступающий к горлу. Но он знал: ответный выпад только усугубит ситуацию.

Выйдя на паперть, он глубоко вдохнул свежий утренний воздух. Солнце уже поднялось высоко, заливая всё вокруг золотистым светом, но Матфею казалось, что вокруг сгустились сумерки. Он остановился, оперся рукой о холодную каменную колонну храма и закрыл глаза.

«Господи, — мысленно взмолился он, — дай мне сил и мудрости. Не позволь озлобиться, не дай поддаться гордыне или отчаянию. Ты видишь всё, Ты знаешь, что творится в сердцах этих людей. И в моём сердце тоже...»

Где-то рядом зачирикала воробышья стайка, беззаботно прыгая по брусчатке. Этот простой, живой звук вдруг отрезвил Матфея. Он открыл глаза и посмотрел на птиц. «Вот они — не знают ни зависти, ни злобы, — подумал он. — Просто живут, радуются солнцу, ищут зёрна... А мы, люди, созданные по образу и подобию Божию, порой опускаемся ниже их в своих страстях».

Он перекрестился, расправил плечи и направился к дому. Нужно было собраться с мыслями, помолиться, найти в себе силы принять новое послушание с миром в душе.

По дороге он невольно вспомнил свой последний сон. «Придёт время, и ты своими же глазами увидишь свершаемое...» — прозвучали в памяти слова таинственного голоса. Что это могло значить? Связано ли это с его новым назначением? Или это просто продолжение той мистической игры, которую ведёт с ним подсознание?

Матфей покачал головой. Сейчас не время разгадывать загадки снов. Реальность была куда более насущной: недоброжелательство собратьев, непростое служение, ответственность перед архиереем. И главное — необходимость сохранить чистоту сердца и верность Богу среди всех этих испытаний.

Дома его уже ждала Лиза. Внешние черты лица отображали девственную красоту. Глаза цвета неба, длинные волосы каштанового цвета, ямочки на щеках, острый нос и строгий взор. Телосложение худенькое, красивая фигура, рост невысокий — примерно полтора метра с кепкой. Из-за маленького размера в её сторону летело много шуток от Матфея, однако, потом в сторону Матфея летело полчища кулаков. Отличительным качеством Лизы был её вспыльчивый характер. Мало кто хотел её злить, иначе можно было получить по первое число. Она молча подошла, положила руку на плечо и заглянула в глаза. В этом взгляде было всё: и тревога, и поддержка, и безмолвное обещание быть рядом.

— Ну что, отец протодиакон, — мягко улыбнулась она, стараясь разрядить обстановку, — будем привыкать к новому званию?

Матфей невесело усмехнулся:

— Боюсь, звание — это только начало. А вот что будет дальше...

— Что бы ни было, мы справимся, — твёрдо сказала Лиза. — Вместе. Помнишь, что говорил старец Амвросий? «Где просто — там ангелов со сто, а где мудрено — там ни одного». Давай просто делать своё дело с любовью и смирением. Остальное — в руках Божиих.

Её слова упали на измученную душу Матфея, как живительная роса. Он кивнул, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

— Ты права, — сказал он. — Прости, что позволил себе расстроиться. Пойду умоюсь, потом помолимся вместе, а после — нужно многое обдумать и подготовиться. Служба с архиереем — это серьёзное испытание, но и великая честь.

Лиза только улыбнулась в ответ и пошла ставить чайник. В воздухе запахло мятой и мелиссой — её фирменным травяным чаем, который всегда помогал успокоиться и собраться с мыслями.

А за окном, над куполами храма, всё выше поднималось солнце, озаряя мир своим немеркнущим светом. Где-то там, в глубине души, Матфей чувствовал: этот день — лишь начало чего-то большого. И что бы ни ждало его впереди, он должен встретить это с открытым сердцем и упованием на Бога.

Спустя несколько часов вновь наступает ночь. Веки предательски закрываются, и тело Матфея погружается в сон.

На этот раз уже не так страшно оказываться в таинственном мраке, как прежде. Разум охватывает туман и неизвестность, но где-то внутри зреет решимость: сегодня он не будет безмолвным наблюдателем.

Тьма вокруг колыхается, словно живое существо, дышит, пульсирует. На долю секунды кажется, что всё это — ужасная шутка, и кто-то просто проник в сознание Матфея, играя с его страхами.

— Для чего ты остановился? — уже отчётливо произносит хриплый и слегка шипящий голос. В нём слышится насмешка, но и что-то ещё — будто бы затаённая тревога. — Ты сегодня претерпел достаточно унижений, но знаешь, почему тебя продолжают и дальше гнобить?

— Хотелось бы знать ответ, — тоскливо, но твёрже, чем прежде, сказал Матфей. Он старался разглядеть источник голоса, но вокруг были лишь расплывчатые тени, извивающиеся, как змеи.

— Потому что ты слаб! — с пренебрежением в интонации произнёс голос. — У тебя была возможность дать отпор, но как ты поступил? Как трус, который не в силах дать кулаком по этим жирным мордам.

Матфей чувствовал, как внутри поднимается волна гнева, но усилием воли погасил её.

— Зачем ты здесь и всё это мне говоришь? — перебил он. — Ты столько времени молчал, издавал неизвестные мне звуки, а теперь лезешь ко мне со своими советами?

— О, не надо горячиться, — голос стал вкрадчивым, почти ласковым. — Я здесь, чтоб показать тебе истинный путь.

— Почему же ты раньше его не показал?

— Ты созрел лишь сейчас, — зашипел голос. — Пойми, я всего лишь хочу тебе помочь, ведь в скором времени придёт тот, кто подчинит себе все страны мира и будет ими управлять. Его имя будут бояться произносить без должного почитания. И я, по благородству грядущего, предлагаю тебе возмездие. Все ненавистники твои падут к ногам твоим, слёзно умоляя о пощаде, а ты воссядешь одесную величества нового царя. Тебе нужно всего лишь... поклониться ему. Делов на пару секунд, а результат — на всю жизнь. Ну, что скажешь?

Матфей ощутил, как тьма вокруг сгущается, давит, пытается сломить волю. Но в душе, вопреки всему, крепнет иное чувство — не страх, а твёрдость.

— Как имя тебе? — спросил он, даже не зная, в какую сторону произносит свою речь.

— Я есть Морок, — с пафосом ответил голос, — более известный как архангел Михаил, предводитель великого воинства, наводящего страх и ужас на грешников.

Матфей на мгновение замер, но тут же понял: это ложь. Перед ним не архангел, а нечто иное — обманщик, искушающий душу.

— С какой стати мне, диакону, служащему одному лишь Господу, склонять свою голову перед кем-либо ещё и признавать его своим царём? — на полтона громче произнёс Матфей, уверенный как никогда. Его голос звучал твёрдо, без тени сомнения.

— Какая глупость — уповать на Того, Кто в скором времени будет повержен, — зашипел Морок.

— Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема! — процитировал Преображенский Священное Писание. — Не имею я нужды поклоняться кому-либо кроме Господа моего Иисуса Христа.

На этих словах Морок начал извиваться, как уж, трепетать от ярости и ужаса одновременно. Его голос срывался на пороссячий визг:

— Закрой свой мерзкий рот!.. Это Имя нельзя произносить даже в мыслях!

— Почему же ты не призовёшь своего грядущего царя, пусть поможет тебе, — с тихой издёвкой и с силой произнёс Матфей, пытаясь задеть Морока за живое.

— Ты обрекаешь себя на мучительную гибель. Мы ещё встретимся с тобой, — завопил Морок и вихрем исчез, попутно рассеивая тьму.

Матфей проснулся. Но в этот раз пот уже не лился потоками по спине. Напротив, он ощутил странную лёгкость, свободу, чувство выполненного долга. В груди — тишина и покой, какого не было давно.

Ближе к утру прозвенел телефонный звонок. Преображенский вздрогнул, открыл глаза. В комнате ещё царил полумрак, но за окном уже брезжил рассвет.

Он поднял трубку.

— Нам нужно с тобой встретиться, приезжай ко мне, — тихо сказал Лука Вернин, его семинарский друг, служащий диаконом в соседней епархии. И мгновенно положил трубку, оставляя после себя лёгкую загадочность.

«Ничего нового, человек-загадка», — подумал Матфей, глядя на замолчавший телефон.

Такие внезапные появления были частым явлением ещё со времён семинарии. Лука мало открывался людям, лишь с Матфеем он обрёл доверительную дружбу. Загадочность была частью его повседневной жизни. Как-то раз он исчез из семинарии на несколько дней, да так, что всякий след простыл. Уж собиралось руководство семинарии обращаться в полицию по утру, как поздно ночью, около часа, в окно пролез Лука и, как ни в чём не бывало, лёг спать. На учебном совете объясняться он не стал и просто стоял, уткнувшись взглядом в пол, пока его отчитывали проректора. Получив наказание в виде запрета выхода за территорию семинарии, его простили, так и не поняв, что произошло. Лишь Матфею он рассказал, что банально перегорел и хотелось обычной смены локации хоть на пару дней.

Спустя время Вернин ничем не изменился и остался точно таким же человеком со своими странностями (впрочем, как и все мы).

Благо, ехать до него было от силы часа три, не больше. Матфей, заткнув уши наушниками, сел на автобус и отправился в путь.

В дороге, как принято, люди любят читать книги. Однако это сказано уж точно не про Преображенского. Книги никогда не вызывали у него большого интереса, а дальнюю дорогу он любил проводить наедине лишь со своими мыслями, параллельно слушая классическую музыку или лёгкий рок с завываниями гитар. Смотря в окно, Матфей, словно ребёнок, представлял, сколько в жизни ему предстоит сделать.

«Быть может, Господь сподобит стать проповедником и спасти хоть пару человеческих душ. Или... хотя бы одну... Нет! Две... Нет! Три! Десять! Ух, я бы точно смог!.. Да... было бы славно», — задумался Матфей, представляя, как его узнают во всех местах, благодарят, а он, как смиренный христианин, продолжает передвигаться на автобусах, отчего люди теряют голову, несясь к нему за благословением.

Но не стоит его осуждать. Он ещё молод, наивен и даже понятия не имеет, что Господь приготовил в дальнейшем на его пути.

Автобус промчался в соседнюю область так быстро, что три часа показались буквально несколькими минутами. Единственное — болел копчик и выла поясница.

Увидев из окна приближающегося друга, Лука помчался к домофону, ожидая звонка.

— Что случилось? — произнёс Матфей, ещё не перейдя порог квартиры. В его голосе отчётливо слышалась заинтригованность, а может, даже обеспокоенность.

— Ну ты хоть пройди внутрь что ли, — ответил Вернин, роясь в комоде в поисках тапочек.

Дома было слегка грязновато: на шкафах лежала невытертая пыль, на кухне — самую малость недомытая посуда. Но временами тут бывало и похуже. Сейчас же, в преддверии приезда друга, Лука постарался максимально убратся: вымыл пол, собрал вещи в шкаф, даже зачем-то нагладил свою футболку. «Надо признать, он действительно рад меня видеть», — подумал Преображенский, проходя в самую дальнюю комнату.

— Садись, садись, — в спешке произнёс Лука, бегая из одной комнаты в другую. — Чаю? Кофе? Пива?

— Н-нет, спасибо, чуть-чуть попозже.

Лука остановился в своей беготне и нахмуренной бровью указал Матфею, что выбрать всё же что-то придётся.

— Эм, хорошо, хорошо, я буду чай.

— Ну вот, совсем другое дело, — с облегчённой душой сказал Лука, направившись на кухню.

— Так... в чём была необходимость вызывать меня к тебе? — на полтона громче сказал Матфей, пытаясь перекрычать закипающий чайник.

Из-за двери появилось вытянутое наполовину лицо Луки, изображающее смятение.

— В чём была необходимость? А ты не помнишь, когда мы с тобой последний раз вообще виделись? Год? Два? Три назад?

— Ну не надо, ты преувеличиваешь. Мы с тобой последний раз виделись весной, — ответил Матфей.

— Вот именно! А сейчас уже конец лета, на секундочку.

— Хорошо... ты прав, — виновато склонил голову Преображенский. — Но знаешь, можно было бы менее секретно сказать это по телефону. Что-то наподобие: «Привет, Матфей, давно не виделись, приезжай как только сможешь».

— Э-э-э, не-е-ет, я тебя знаю уже не один день, ты бы тогда никогда не нашёл свободного денька, — ехидно улыбаясь, произнёс Лука.

И действительно, окунаясь во взрослую жизнь, люди перестают уделять внимание нужным вещам. Находясь в вечной спешке, из головы вылетает обязанность позвонить родителям, встретиться с друзьями, уделить внимание семье.

Матфей был одним из такого рода людей. Куда-то постоянно мчался, гнался не пойми куда — в общем, вся жизнь находилась в суете.

— Смотри, новость прочитал: человечество установило контакт с последним диким племенем, происходит знакомство и приобщение аборигенов к нашей культуре и духовному наследию, — сказал Лука, протягивая другу телефон с открытым новостным пабликом.

— Ого... здорово, что ли... — произнёс Матфей, выражая не особый интерес.

— А ты всегда был таким чёрствым, как сухарь? — фыркнул Лука, не заметив никакой увлечённости Матфея. — Ты правда не осознаёшь, насколько страшна эта новость?

— Что же тут такого страшного? В мире на ещё одних христиан станет больше, дикие племена начнут знакомиться с цивилизацией. Осталось только понять, как они усвоят наше учение.

— Христиан-то больше, но вспомни Евангелие от Матфея, глава двадцать четвёртая, стих четырнадцатый.

Лука мигом ринулся к книжной полке, где на уготованном месте лежала Библия. Надев очки, облизнув палец и перелистывая страницу за страницей, он нашёл нужный текст:

— Вот: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придёт конец». Но это же ещё не всё! Ты, случаем, не стал замечать, насколько быстро время стало лететь?

Преображенский сделал невозмутимый взгляд и зажал губы.

— Ну, допустим, заметил.

Лука с умным видом ткнул пальцем по середине очков, поправляя их в нужное положение, и вновь замельтешил в поисках отрывка из Писания:

— Евангелие от Марка, глава тринадцать, стих двадцатый: «Но ради избранных, которых Он избрал, сократил те дни». Не кажется тебе это странным?

Взгляд Луки казался безумным и выражал невероятный интерес.

— Я, конечно, не параноик, но с кем бы я ни общался, все до единого замечают, что сутки идут гораздо быстрее, чем раньше. Можно спихнуть на то, что во взрослой жизни стало появляться много дел, оттого и время идёт быстрее, но нет! И у детей сейчас такая же ситуация. Да даже если лежать и ничегошеньки не делать — всё равно не замечаешь, как день уходит за днём, неделя за неделей, год за годом.

Преображенский сидел и увлечённо дул на чай, пытаясь поскорее остудить его.

— Так, и что ты хочешь мне этим сказать?

— А ты подумай хорошенько! Это же первый признак наступления последних времён!

— Эх, Лука, Лука, ты говоришь, что я чёрствый, как сухарь, но лучше быть сухарём, чем паникёром, — с улыбкой произнёс Матфей, попивая свежесваренный чай.

— Паникёром? Я просто поделился с тобой своими переживаниями, а ты даже не можешь выслушать своего друга, — обиженно сказал Лука, надув губы.

— Ну прости, правда. Нет ничего страшного в том, что начинают сбываться пророчества Писания. Христос говорил: «Не бойтесь», и наша задача — уповать на Него.

— Тут ты прав. Ладно, что это я о своих переживаниях. Как у тебя дела? Как матушка Елизавета?

— Да вот что-то последнее время разболелась. То ангина, то насморк, лекарства только успевай покупать, все деньги на них уходят.

— Ты как в первый раз, — перебил Лука, глядя каменным лицом на Матфея, будто он в чём-то остался виноватым. — Ты же знаешь, что всегда можешь обратиться ко мне за помощью, мне никогда ничего не жалко для вашей семьи.

— Да брось, я же не говорил, что не хватает средств. Как припечёт, так обращусь к тебе, а пока имеем что имеем, — сердито ответил Матфей. — Тем более вчера встречали нового архиерея, я теперь протоиерей, может, что-то и поменяется, не горю желанием заботиться о таких вопросах.

— Батюшки! Сам архиерейский диакон ко мне пожаловал! — с дружеским смехом сказал Лука и слегка ударил кулаком в плечо Матфея. — Ты только не зазнавайся.

— Да было бы чем. Клир не особо меня любил, а теперь уж тем более.

— Ох да, твой настоятель тот ещё подонок. Сухарь почерствее тебя, — громким смехом Лука наполнил комнату.

— Ну почему сразу подонок? Просто не самый приятный человек. Но, как ни крути, он в сани, а значит, даже таких нужно хоть каплю уважать, — сказал Матфей, сёрбая чай. — Ты сам как поживаешь? Матушка так и не вернулась?

— К сожалению, нет... Знаешь, как грустно, когда самый близкий человек совершает предательство и буквально плюёт тебе в лицо? — с горечью на сердце промолвил Лука, опустив глаза в пол, будто выискивая на нём нечто потерянное.

К слову, отец Лука был хорошим человеком. По родословной он еврей. Младше Матфея на один год, но уже повидавший в жизни множество проблем. Родители погибли в автокатастрофе, когда ему только исполнилось восемнадцать, единственный брат уехал в другую страну

и оборвал с ним всякое общение, матушка ушла от него спустя полгода свадьбы, осознав, что служение в Церкви особого дохода не принесёт. Однако Лука недавно окончил обучение в медицинском колледже, стал подрабатывать врачом и на данный момент не испытывал нужды в деньгах, так как жил один.

Печальная реальность заключается в том, что каждый второй священнослужитель сталкивается с проблемой разводов лично. Народ мало любит Православие, считают всех христиан не более чем фанатиками. А кто вышел замуж за будущего служителя Церкви, надеясь, что деньги потекут рекой, в скором времени крупно разочаровывался, так как не всё, что говорят, является правдой.

По-хорошему, за развод клирика необходимо запрещать в служении, однако в действительности ощущался кадровый голод. Как правило, священнослужитель оставался в своём сане и продолжал служить, но жениться второй раз уже не имел права. Так и заканчивалась жизнь в одиночестве несчастного служителя Церкви, который взял на себя тяжкое бремя.

Но, невзирая на трудности, Лука старался сохранять оптимизм и радоваться жизни насколько он мог, хоть зачастую и посещала его скорбь, нагнетая жути в повседневность. Был он невысокого роста, насыщенные чёрные сальные волосы, которые он стриг в обязательном порядке каждый месяц, бородка, похожая на ту, что торчала у Матфея, угрюмый взгляд, густые брови и нос с горбинкой, который выдавал его еврейские корни. По складу ума нельзя было сказать, что он обладает высоким интеллектом, но, быть может, это и хорошо, ведь глупым легче живётся. (Умные частенько даже завидуют таким людям). Отличительной чертой его характера была верность друзьям, из которых у него остались только Матфей и Лиза. В случае чего Лука готов был, без всяких рассуждений, отдать жизнь свою за них.

— А как же наши ребята с семинарии? Общаешься с кем-то ещё? — спросил Лука.

— Стараюсь иногда списываться, но не на всех хватает времени... и сил...

— Да... знакомая ситуация, — с иронией перебил Лука. — Ой, да, продолжай, продолжай.

После лёгкой заминки Матфей продолжил:

— Так вот. Помнишь Мишу с нашего курса?

— А то! Его попробуй забыть! Рубить дерево на послушании и завалить его прямо на учебный корпус — нужно ещё умудриться.

— Хах, да-да. В общем, говорят, что он принял монашество и недавно отправился куда-то на север. Больше связи с ним никто не имеет.

— Да ну! Миша теперь монах? С ума сойти можно... Мало сейчас таких подвижников.

— Да, я сам в шоке был, когда услышал об этом. Хороший человек, так теперь ещё и монашествующий. Только... непонятно, куда можно идти на север.

— Только если жить среди пингвинов и белых медведей, — разразился смехом Лука.

— Это верно! — с улыбкой сказал Преображенский. — А вот Юра, который выпустился, когда мы перешли на второй курс, больше не Юра, а владыка Сергей.

— Да, про него я слышал. И быстро же он епископом стал.

— Не считаю это удивительным, кадров и так мало осталось, поэтому гляди, года через два и тебе дадут епархию, — заулыбался Матфей и похлопал по спине Луку, который чуть было не поперхнулся чаем.

— Как думаешь, почему так мало людей стало ходить к нам? — горько вздохнул Вернин.

Преображенский на несколько секунд уставился взглядом перед собой и задумался.

— Знаешь, во-первых, это поведение наших батюшек. Все злые, лицемерные, смотрящие на всех свысока.

— А во-вторых? — поинтересовался Лука.

— А во-вторых, виноваты горе-блогеры, которых пару лет назад было валом в каждой соцсети.

Вернин приподнял бровь и недоумевающе посмотрел на друга:

— Они-то тут при чём? Наоборот же, веру распространяют.

— И много кого они привели к Православию? Больше отвернули от себя. Понимаешь, проповедь — это искусство, которое далеко не всем под силу. А рассуждать о правильности задувания свечки, я считаю, абсурд. Только священники должны проповедь нести, и то аккуратно, а не незнающие люди.

— Это верно, — кивал головой Вернин.

— Ну и, конечно же, из-за этих блогеров потерялась всякая сакральность, — продолжал Преображенский. — Православную Церковь постыдно оголили, рассказав о каждой пылинке в алтаре. Так ведь не должно быть.

— Не должно, не должно, — поддакивал Лука и увлечённо продолжал смотреть на Матфея.

— Раньше, чтоб принять крещение, нужно было три года называться оглашённым и не иметь права даже отстоять всю литургию. А сейчас можно проснуться в воскресенье, включить трансляцию и «посетить службу». Не удивлюсь, если в скором времени начнут Тело и Кровь Христа присылать доставкой, аргументируя тем, что первые христиане всегда несли домой Дары.

Лука качал головой вперёд-назад и хмурил брови, изображая философский вид.

За разговором они скоротали весь день, делясь впечатлениями и наболевшими ситуациями, требующими огласки уже несколько месяцев.

— Ты только не забывай... Пиши хотя бы. А так, всегда рад видеть тебя в гостях, — попрощался Лука, закрывая за другом дверь.

Чуть не опоздав на последний автобус, Матфей вернулся обратно домой. Не имея сил, он сразу направился в кровать, уже почти искоренив страх перед надвигающимся сном.

На этот раз вместо пугающей темноты и мрака он увидел свет вдаль — слабый, мерцающий, будто далёкий маяк во мгле. Как будто где-то впереди стояли шахтёры, размахивая фонарями в разные стороны. Раздавались крики, издавался звук кованого железа, гогот лошадей и нечеловеческие вопли. Начав идти на шум, Матфея остановил мужской голос.

— Стой, дальше ты увидишь нечто, что трудно увидеть неподготовленному человеку, — произнёс неизвестный голос позади Матфея.

Обернувшись, он увидел маленького порхающего голубя, который издавал тусклый свет вокруг себя и говорил неспешно.

— Кто Ты? — удивлённо спросил Матфей.

— Я Тот, Кто всегда рядом с тобой. Ты ведь помнишь свои прошлые сны? Они не случайны. Приближаются дни великих скорбей, когда брат восстанет на брата, и дети — на своих родителей, и умертвят их. Не будет нигде покоя, и даже звёзды померкнут, не осветив дорогу идущему. Ибо мир стал забывать своё истинное предназначение. Люди больше не желают каяться в своих злодеяниях. Сатана скоро будет править странами, ведь всё уже готово к его приходу. Дальше ты увидишь тех, кто будет ему помогать. Их внешний вид может пугать, но тебе Я говорю: не бойся и не смущайся от их количества.

— Неужели там всё так страшно?

— Для христианина нет никакого страха, но человеческая сущность подлежит ему, — сказал голубь. — Теперь же ступай и взгляни, что находится дальше.

Сделав несколько шагов, Матфей как будто вылез из пещеры. И вот, стоит он на вершине горы. В его лицо сразу же хлынул холодный ветер, что пришлось зажмурить глаза. Уши вмиг оледенели, а нос покраснел. Из-за тяжкого потока ветра глаза стали слезиться, мешая осмотреться.

— Φύγε! — внезапно вмешался голубь, повелительно размахивая крыльями и прогоняя холод.

Ледяной ветер, как побеждённый зверь, беспомощно заскулил и улетел прочь, оставляя за собой голубые молекулы, быстро растворяющиеся в наступившей теплоте.

— Взгляни вниз! — повелел голубь, и Матфей тут же опустил свой взгляд.

Внизу царил хаос. Воздух был пропитан раскалённым железом, везде парили красные искры. Небо было тёмным и затянутым, что ни один лучик света не имел ни малейшего шанса проникнуть вглубь этого кошмара. Повсюду ходили страшные существа. Некоторые были похожи на зверей, другие — на искажённых людей. Кто-то передвигался на двух ногах, кто-то — на четырёх, а кто-то и на шести, но все до единого были омерзительны и нагоняли отвращение.

Прямо под ногами Матфея внизу стояла кузница, в которой работали существа, похожие на двуногих быков. Звали их таурусами. Их тело было покрыто толстой шерстью, руки — мускулистые, с выпирающими венами и чёрными ногтями, головы — волов с тремя рогами, на которых висели жёлтые кольца, и надувшимися ноздрями, из которых выходил пар. Они безжалостно били молотами по железу, выковывая мечи и щиты. Стояли все по рядам, и между ними летали безликие духи, облачённые в чёрные лохмотья, проверяя их работу. Никто не имел жалости и сострадания.

Одно из существ с бычьей головой ударило молотом по своей руке, да так, что казалось, превратило её в лепёшку. Раздались визги и хохот со стороны других существ. Для них не было лучшей радости, чем наблюдать за страданиями других, даже если боль получала такая же особь, как и они. Насмехаться друг над другом здесь — в порядке вещей. Можно даже окунуть с головой соседа в кузнечный горн на потеху всем остальным. Однако безликие духи строго наблюдали за порядком, наказывая виновных.

Один из таких духов внезапно подлетел к существу, ударившему себя молотом по руке, и взглянул в его напуганные глаза.

— Р-р-развлекаешь работников? — словно змея, тихо зашипел дух. — Ты же з-з-знаешь, как непрос-с-тительна ос-с-становка в работе. Ты лиш-ш-шаешься чести.

Безликий дух схватил тауруса за один из его трёх рогов, тотчас оторвав от головы. Испытывая непередаваемую боль, существо упало на землю, ухватившись опухшей рукой за рану, а другой прикрывая рот, чтоб не закричать, иначе могут лишиться ещё одного рога.

Его сородичи с ухмылкой смотрели на его беспомощность, еле сдерживая смех.

— Р-р-работать, бес-с-столочи! Хоз-з-зяин не потерпит тунеядцев! — произнёс безликий дух и вмиг сжал оторванный рог, превратив его в горстку пепла.

Рядом с кузницей располагалась конница, набитая лошадьми с красными глазами и шестью ногами, на каждой из которых были золотые копыта. Их грива была плешивая, а из зрачков струёй текла кровь. Они спорили между собой, выясняя, кто из них быстрее. Звали их векторы. Когда они бежали, то позади них образовывался туман из тьмы, поглощающий всякий свет. Они плевали друг другу в морды, соревновались, кто кого затопчет, и гоготали над проигравшим, выкрикивая матерные слова.

Среди них находился самый большой конь. Он был раза в два выше и массивнее остальных, выглядел будто груда каменных мышц, готовых затоптать любого, кто осмелится бросить ему вызов. Особо подчёркивало его могущество практически полностью золотые ноги и длинный облезлый хвост.

Пройдя с пафосом мимо всех векторов, он остановился посередине их и заорал:

— Вы все такие жалкие и безнадёжные, соревнуетесь между собой, но кто посмеет сравниться с моей безупречной силой?

— Шир, мы знаем, что тебе предоставлена честь везти на себе великого полководца и захватчика мира, и мы почитаем твоё могущество, но позволь мне вызвать тебя на бой, показав, на что я способен, — выкрикнул один из векторов.

В этот же момент зазвучал смех от его собратьев. Шир посмотрел на смельчака строгим взглядом, нахмурился и через долю секунды, раскрывши пасть, из которой торчали жёлтые лошадиные зубы, присоединился к смеху остальных.

— Ты? Ничтожество, решившее бросить мне вызов? Не боишься остаться униженным и поверженным в глазах остальных? — с насмешкой закричал ещё громче огромный конь.

— Есть ли тебе дело до того, как я буду выглядеть в глазах остальных? Или ты обычный пафосный трус?

По всей видимости, это были лишние слова, так как после них Шир раскрыл свои глаза настолько широко, что казалось, прямо сейчас они вылетят из своих глазниц. Разгневанный словами, он начал идти к вектору, попутно мордой расталкивая остальных.

— Ты посмел произнести на меня свои поганые речи и выставить себя смельчаком?! Всем разойтись! Необходимо преподать урок этой выскочке!

Все кони разошлись, образуя круг для поля битвы. Шир с вектором стали по разные стороны, готовясь сойтись в безжалостном поединке. Начался гогот и смех, все кричали и толкали друг друга, параллельно бодаясь, как коровы.

Глаза Ширы вспыхнули огнём, а изо рта пошёл пар вместе со слюной. Оба коня побежали друг на друга и столкнулись в поединке. Недолго смог продержаться вектор. Став на задние лапы, Шир схватил своими зубами противника за гриву, поднял и плюхнул с грохотом его на землю. Наступив копытом на морду поверженного оппонента, он залился необычной гордыней, и все стали восклицать его имя.

— Ну, кто-то ещё желает усомниться в моей силе? — самодовольно крикнул Шир.

Все внезапно замолчали и не имели дерзновения даже тихо вздохнуть или неправильно посмотреть.

— Уберегите этого болвана, чтоб глаза мои больше его не видели! — грозно сказал Шир, уходя из стада.

Следом за конницей располагался значительный отряд из стрелков и артиллерии. Огромные железные пушки тащили таурусы, закованные в цепи. Их гнали кнутами человекоподобные существа с кучей орденов на груди, большими головами и мрачными потухшими лицами, которые, по всей видимости, командовали всеми полками.

Стрелки были невысокого роста. Их оружием были автоматы, а на теле закреплялись тяжёлые бронежилеты. Лица их были пусты и наполнены мраком, вместо глаз и носов были отверстия, через которые они произносили какие-то звуки, более похожие на звук громадных труб. Рта у них не было. Видимо, их задачей было не говорить, а просто безжалостно убивать по приказу.

Рядом с ними находились всадники, оттачивающие своё мастерство владения мечом. Были они похожи на обычных людей, но кожа вся болезненно бледная, челюсть отвисшая, а глаза покрыты серой пеленой.

Взглянув наверх, Матфей увидел одноглазого феникса, летящего по затяжному, густому небу и осматривающего пределы. Из клюва его доносился визг, а перья на крыльях горели, оставляя за собой огненный след.

Множество других ужасных существ находилось там, что охарактеризовать каждого не хватит времени. Из всех уголков слышались слова на латыни: «Is ambulat» («он идёт»), будто воспевается гимн. Повторялись они непрерывно и чётко произносились.

— Какое ужасное место! — сказал Матфей, обратившись к голубю. — Кто эти все существа?

— Раньше они были прекрасными ангелами в сияющих доспехах, пока их не обольстил сатана и не увёл за собой. Теперь они приняли безобразный вид, стали хуже животных, — ответил голубь.

— Но, несмотря на их ужасный вид, как я заметил, у них есть какое-то подобие иерархии, — заметил Матфей.

— Да, ты прав, именно подобие. Не заметил ли ты, как представился тебе Морок во вчерашнем сне? Он дерзнул называться чужим именем и присвоить заслуги, которых он недостойн. Бесы во всём копируют Творца, ибо не могут придумать ничего своего. Потому вся их структура — не более чем пародия на Начало. Ты знаешь, что даже среди ангелов существует строгая иерархия: Ангелы, Архангелы, Начальства, Власти, Силы, Господства, Престолы, Херувимы, Серафимы. И все подчиняются вышестоящим по иерархии. Бесы пытались создать свою лестницу, но у них не вышло ничего достойного. Одни стоят выше других и упираются своей властью, а нижестоящие, по своей гордыне, не могут принять того факта, что кто-то имеет власть над ними.

— Но, как я понял, должен придти некий человек, которому будут подчиняться абсолютно все существа? — спросил Матфей с задумчивым лицом.

— Да, верно. В скором времени придёт ужасный человек, способный обманным путём объединить всех, и тебе предстоит претерпеть немало искушений и трагедий в то время, будь готов к ним. Он будет царствовать на земле и притеснять всех, кто окажет ему сопротивление. Он будет называться чужим именем, которого он недостойн, — ответил голубь.

Матфей вновь взглянул вниз и заметил странное существо, которое имело власть над другими боевыми единицами. Оно имело человеческий облик, взгляд был прозрачным и сердитым, длинные волосы аккуратно уложены и собраны обручем, похожим на диадему. Оно было окутано магическим дымом, будто змеи расплзались от него в разные стороны. На пальцах имелись перстни, символизирующие власть над остальными существами. Цвет кожи был фиолетовый, словно инопланетный.

— Ты хочешь узнать, кто это, не так ли? — спросил голубь, глядя на взор Матфея. — Ты с ним уже встречался, но не видел его облика. Это Морок, один из главных советников дьявола. Он крайне подлый и лживый, ни одно его слово не содержит правды. Под его руководством находится всё войско, и ему подчиняются, пока не прибудет его хозяин — сатана.

— А где же он сейчас? — спросил удивлённо Матфей.

— В сердцах людей, ходит и рыкает, как голодный лев, выискивая ежедневно новых и новых жертв. Посмотри на место, что расположено за спиной у Морока.

Матфей сдвинул свой взгляд и был поражён ужасом, который увидел. Там находилась огромная пропасть с бесконечным числом людей, которые, живя на земле, добровольно приняли грех в свою душу. К ним подходили безликие духи и словно высасывали из них все силы, относя их в центральный чан с кипящей чёрной жидкостью, вокруг которого кружились существа с длинными носами в плащах с капюшоном. Их называли жрецами. Выпуклые глаза, чёрствая и сморщенная кожа, по всему лицу бородавки и язвы, а на руках росли длинные ногти, словно у кошек. В руках у каждого был бубен. Они танцевали и непрерывно вполголоса произносили какие-то заклятия, на каждом слове ударяя в свой инструмент. Как только безликие духи кидали в чан свою добычу, зрачки жрецов расширялись и загорались опаляющим огнём, заставляя существ ещё больше радоваться.

— На земле вы насыщаете тело водой и едой, а душу — молитвами и Таинствами, — сказал голубь. — А бесы питаются страстями людей. Каждый блуд, каждая гордыня, убийство или же малый помысел, носящий в себе злобу и грех, являются пропитанием падших созданий.

— Но зачем они несут их в чан? — спросил Матфей.

— Этот чан заполняется с началом первого грехопадения. После того как Адам и Ева вкусили запретный плод, бесы начали подготовку к своему царствованию на земле. Как видишь, кипящий чан практически наполнен. После его наполнения наступят тёмные времена царствования антихриста.

— То есть я также способствовал наполнению этого чана? — расширив глаза, промолвил Матфей.

— К сожалению, да, — с грустью в голосе сказал голубь. — Любой человек рождается во грехе, как об этом написано в пятидесятом псалме, и умирает в нём. За свою небольшую жизнь ты также внёс вклад в приход антихриста, ибо за всю историю земли лишь один Человек был без греха — Христос.

— Выходит, что грех победить невозможно?

— Вам, людям, — нет. Это допущено по Божьему промыслу.

— Но... зачем? — с удивлением спросил Матфей.

— Человечество после грехопадения стало слабым. Вы потеряли ту силу, дарованную вам при создании. Вы стали гордиться своими достижениями, не замечая, что все ваши поступки обращаются прахом, а после наступает смерть. Вы забыли о Боге и стали уповать лишь на свои силы. Вы были призваны постигнуть святость, но вами был выбран путь погибели. Потому вы не способны одолеть грех собственноручно, но, уповая на Бога, вы приобретаете спасение, ибо лишь Он может очистить вас от всякой скверны и вернуть в отчий дом.

— Тогда и вся наша борьба со страстями бессмысленна?

— Не совсем так. Оказывая сопротивление греху, вы наносите на свою душу печать Божественной благодати. Хоть приходится падать множество раз, ваша задача — стараться вновь становиться на ноги и продолжать борьбу, подобно партизанам в войне, которые не имеют громадной армии и техники, но всё же оказывают сопротивление, ожидая скорого пришествия победителя. И дождавшись этого момента, царь освобождает их от борьбы и даёт звания героев.

— Когда же наступит момент прихода Царя?

— Скоро, — ответил голубь. — Однако перед этим предстоит претерпеть скорбь и тесноту. Будь готов к этому и не пугайся, ибо поражение армии антихриста уже совсем близко. Кто решится сохранить свою душу, сохранит её на мгновение ока и в скором времени потеряет. А кто отдаст душу свою ради ближнего своего и распнёт тело со страстями и похотями, тот её и сохранит. «*Maran atha!*» Помни об этом и не страшись перед грядущими событиями. Теперь же ты увидел достаточно, в дальнейшем ты ещё столкнёшься со многими вещами, но не забывай, что всегда рядом Тот, Кто уже победил смерть. Теперь тебе нужно возвращаться.

— Постой! — вскрикнул Матфей. — Как Тебя зовут?

— Я Есть Сущий, — ответил голубь, сияя в своей красоте.

Матфей внезапно осознал, что всё это время рядом с ним был не обычный голубь, но, не успев раскрыть рот от изумления, птица взмахнула крыльями, направив тихий поток тёплого ветра Матфею в лицо, — и он проснулся.

1.2. Злость и любовь

— Матфей! Матфей! Ну же, вставай! — громкий женский голос ворвался в сон, резко оторвал от грёз и заставил вновь прийти в чувство.

Матфей открыл глаза и увидел Лизу — она склонилась над ним, настойчиво трясла за плечо, стараясь разбудить мужа.

— Давай, вставай скорее, мы проспали! Через час архиерейская служба!

Поднявшись с кровати одним рывком, они мгновенно оделись и бросились в храм. К счастью, владыка слегка опоздал — ещё оставалось немного времени, чтобы подготовиться к службе.

Запыхавшийся и покрасневшийся, отец Матфей взял кадило и уже был готов выйти на встречу, как вдруг на его пути возник настоятель.

— Как же так, архиерейский диакон опоздал на службу? Негоже так относиться к своим обязанностям, — с едкой, неприятной улыбкой произнёс отец Николай.

Матфей, не обращая внимания, слегка оттолкнул его и стремительно выбежал из алтаря. Краем глаза он успел заметить, как лицо отца Николая исказилось гневом — оно покраснело, глаза сверкнули яростью, будто вот-вот взорвётся, подобно закипающему чайнику.

— Я ему покажу, где раки зимуют! — прошипел настоятель себе под нос, стиснув зубы так, что на скулах заиграли желваки. — Да я... да я... Он у меня ещё попляшет!

Лукавство в сердце отца Николая окончательно взяло верх над крохотными остатками любви. Подойдя к Евангелию, он незаметно переложил закладку с заранее выбранного чтения на другую страницу — коварный план по подставе был готов.

Служба началась без каких-либо происшествий. Владыка Симеон, войдя в храм, сразу заметил отца Матфея, слегка улыбнулся и едва заметно подмигнул ему — словно давая понять: «Всё будет хорошо».

Наступило время чтения Евангелия. Матфей, с тяжёлой книгой в руках, вышел в центр храма в сопровождении священосцев, открыл её... и внезапно воцарилась мёртвая тишина.

Настоятель, стоявший на горнем месте рядом с владыкой, ехидно заулыбался, мысленно аплодируя себе за гениальный план.

— Вот и подготовка к службе: даже заложить чтение не может, — с самодовольством произнёс протоиерей Николай.

Однако все попытки оклеветать Матфея, к счастью, не были восприняты всерьёз владыкой. Его взгляд был не осуждающим, а глубоким, молитвенным — будто он видел куда больше, чем происходящее здесь и сейчас.

— Полагается за такую безответственность достойно наказать его. Будьте с ним построже, а то, глядите, и вовсе расслабится, — обратился настоятель к Симеону.

— Вам полагается контролировать себя, а не других, отец настоятель, — спокойно, но твёрдо ответил владыка, даже не поворачивая головы в сторону протоиерея. — Другие же сами будут отвечать за то, что сделали или чего не сделали. Как может человек, не воспитавший себя, воспитывать остальных?

Отец Николай натянул на лицо маску невозмутимости, слегка закатив глаза, но в душе его кипела обида.

Матфей, осознав, что его подставили, почувствовал, как внутри всё сжалось от тревоги. Наступившая тишина давила, словно тяжёлый камень. Краем глаза он ловил недоумённые взгляды прихожан — они замерли, не понимая, почему прервалось чтение. Из головы вылетела цифра зачала, которое полагалось читать сегодня, а подсмотреть было негде.

— Господи, помоги, на Тебя уповаю, — мысленно произнёс отец Матфей, лихорадочно переворачивая страницу за страницей, но нужного текста всё не было.

И вдруг — озарение. Вспомнив, что сегодня праздник Богородицы, он ощутил, как в голове сами собой зазвучали слова начала текста.

Закрыв Евангелие, Матфей глубоко вдохнул, выпрямился и, к изумлению всех присутствующих, начал произносить Евангелие наизусть.

Выражение лица настоятеля мгновенно изменилось: самодовольная улыбка сменилась шоком и злостью. Губы искривились, брови сошлись на переносице, а глаза расширились так, будто готовы были выскочить из орбит.

— Видите? Из любой ситуации есть выход, даже если кажется, что всё пропало, — с тёплой улыбкой произнёс владыка. Его глаза заблестели от радости, а на губах играла едва заметная, но глубокая улыбка — словно он видел дальше, чем просто этот момент.

Остаток службы прошёл спокойно, хотя взгляд настоятеля, полный зависти и досады, всё ещё скользил по фигуре диакона.

Подойдя за благословением в самом конце, Матфей опустил глаза — в этом жесте читалась не столько вина, сколько смирение перед случившимся.

— Владыка, простите, я не знаю, как это произошло, — тихо промолвил Матфей и поднял глаза на архиерея.

— Ничего страшного, всякое бывает. Тебе нужно быть готовым к любой ситуации, и, как я вижу, ты умеешь выбираться из трудностей. Это похвально! — сказал Симеон с доброй улыбкой, по-отцовски обнимая диакона. — Зайди сегодня ко мне в кабинет, нам нужно немного поговорить.

Увидев это, настоятель, стоявший рядом, едва сдержал приступ ярости. Его лицо побагровело, а глаза, казалось, вот-вот вспыхнут огнём.

Матфей прекрасно понимал, кто устроил эту подлость, но в душе не держал зла. Он знал: всякий, допускающий лукавство в свою душу, сам себя и погубит.

Ближе к полудню Матфей направился в здание епархии по просьбе владыки. Войдя внутрь, он прошёл по коридору, увешанному иконами. В кабинете владыки было уютно: посередине стоял большой стол для приёма гостей, на стене висела карта епархии с отметками храмов и портрет патриарха. Повсюду стояли коробки — Симеон ещё не успел разобрать вещи после приезда. В конце кабинета виднелась дверь, ведущая в комнату, где ночевал епископ. Всё было просто, без пафоса — скромно и со вкусом. Владыки ещё не было, но из-за двери доносился какой-то шум.

Матфей сел за стол и принялся разглядывать карту епархии. На территории одной небольшой области насчитывалось более ста церквушек и соборов.

«Как много храмов... и как же мало людей», — с лёгким разочарованием подумал про себя Матфей.

На одного настоятеля приходилось сразу несколько приходов: управляя одним храмом, было невозможно себя прокормить.

Из детства Матфей помнил, что его отец, в сане иерея, был настоятелем сразу трёх деревенских храмов. Уже тогда ощущался кадровый голод — не имело смысла оставлять священника в глухой деревушке, где жили лишь несколько бабушек, не имевших возможности содержать храм. Приходилось часто ездить из одной церкви в другую, заботливо опекая малое стадо Христово. Отец Матфея был ревнителем Православия и никогда не отказывал в духовном наставлении. Если требовалось, он даже зимой, в лютый мороз, шёл по сугробам, чтобы причастить старушку, не имевшую сил встать с кровати.

Удивительно, но даже лёжа без сил, люди жаждали Причастия и остро нуждались в священнике. Многие, невзирая на дождь, пургу и метель, каждое воскресенье вставали и шли в

храм с молитвой. Путь в несколько километров не становился препятствием — они не искали повода подольше поспать.

Сейчас же под каждым домом есть храм, а люди ленятся выйти за порог, преодолевая тяжесть век, жаждущих ещё немного сна.

К слову, возвращаясь к судьбе отца Матфея, стоит упомянуть его незавидную участь. Он служил более двадцати лет, ревностно неся крест, возложенный на него Господом. Прихожане его любили, но он постоянно сталкивался с нападкам инакомыслящих.

В один ужасный день на Литургию явился мужчина с ножом. На глазах шестнадцатилетнего Матфея он ворвался в алтарь и, выкрикнув «Аллаху акбар», нанёс священнику несколько ударов ножом, не оставив ни малейшей надежды на выживание. Затем он скрылся, а полиция, пожав плечами, сообщила, что преступник уехал в другую страну и исчез из виду.

Вспоминались слова, сказанные в Евангелии: «Даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» (Ин. 16:2).

Дело замаяли, а для отчётности вину возложили на одного из прихожан храма — человека, который был совершенно невиновен. Его осудили на пожизненное заключение. Неизвестно, жив ли он. Но Матфей часто навещал его в тюрьме. Поразительно, что тот мужчина не испытывал ни капли обиды. Он принял происходящее как должное, подобно Христу, смиренно претерпевшему несправедливое обвинение.

В момент убийства отца Матфей впервые увидел, насколько жестока и грязна жизнь на земле. Это событие оставило неизгладимый след в его душе — оно стало переломным. С того дня он твёрдо решил поступить в семинарию и пойти по стопам отца, несмотря на все сомнения и страхи.

«Всё, что ни происходит, происходит к лучшему», — вспомнились ему слова, слышанные когда-то. Даже самая тяжёлая утрата может стать началом чего-то нового. Любые испытания направляют нас, ставят точку в долгих раздумьях и подталкивают к решительным действиям. Важно не сломаться под грузом горя, а идти вперёд, не позволяя унынию и печали завладеть сердцем.

Мысли Матфея прервал скрип открывающейся двери. В кабинет вошёл владыка Симеон. В руках он держал две кружки крепко заваренного кофе — аромат был таким насыщенным, что невольно пробуждал аппетит и согревал душу.

— Держи, выпей со мной, — произнёс епископ, ставя кружку перед Матфеем.

— Вы хотели меня видеть? — тихо спросил диакон.

— Да. Не переживай, ничего страшного. Просто хотел немного поговорить, — сказал Симеон, делая небольшой глоток ароматного напитка. — Итак, несмотря на твой юный возраст, в тебе чувствуется глубина мысли. Как ты думаешь, благоприятна ли нынешняя мировая обстановка для нас?

— Считаю, что нет, — коротко ответил Матфей.

— Правильно думаешь, — кивнул владыка. — Я не привык витать в облаках и носить розовые очки, убеждая себя, что мир прекрасен и добр. Вовсе нет. Я предпочитаю смотреть правде в глаза. Несомненно, мир, созданный Богом, великолепен и красив, но грех, заполняющий сердца людей, постепенно уничтожает эту красоту.

Он сделал паузу, словно давая Матфею время осмыслить сказанное, и продолжил:

— Каждый день мы сталкиваемся со злом — оно окружает нас, пытается сломить, сбить с пути. И я говорю не о внешних врагах, с которыми мы взаимодействуем ежедневно... Я говорю о внутренней борьбе. Важно, несмотря на все нападки извне, сохранять чистоту души. Пусть мир поливает тебя грязью, пусть плюют в спину — главное остаться верным тому облику, который даровал тебе Бог.

Взгляд епископа был необыкновенно спокоен и мудр. В нём читалась не просто житейская мудрость, а глубокое понимание сути вещей. Сразу становилось ясно: он неспроста поставлен на эту высокую должность.

Вновь отпив кофе и слегка закусив печеньем, он продолжил:

— Итак, ты понимаешь, к чему я веду?

— Если честно, то не совсем... — тихо ответил Матфей, слегка зажмурив левый глаз, будто пытаясь разглядеть что-то вдали.

— Политическая ситуация в мире накаляется с каждым днём, и неизвестно, что нас ждёт завтра. Одно могу сказать точно: лучше уже не будет. Люди вокруг стали озлоблены. Деньги возведены в ранг высшей ценности. За них готовы не просто обмануть — предать, убить, потерять человеческий облик. Государство утратило прежние ориентиры. Ложь стала нормой, убийство оправдывается, предательство поощряется. Боюсь, что скоро наша страна охватится пламенем революции... Придёт новый режим, в котором нам, увы, места не найдётся.

— Хотите сказать, что гонения уже близко? — настороженно спросил Матфей.

— Я не могу ничего утверждать наверняка — лишь Богу известно, что ждёт нас завтра, — ответил владыка. — Но я могу анализировать и делать выводы. Посмотри сам: главной целью людей стало богатство. Их не интересует ничего, кроме денег. В песнях, фильмах, во всём образе жизни кумиров миллионов идёт откровенная пропаганда наживы. А там, где пахнет деньгами, всегда найдётся тот, кто захочет присвоить их себе не самым честным способом.

Он помолчал, словно взвешивая каждое слово, и добавил:

— О наличных деньгах ты, скорее всего, даже не слышал — они давно вышли из оборота. Сейчас все платежи происходят только через карты. И если ты по какой-то причине станешь неугоден тем, кто управляет твоими финансами, тебя просто вычеркнут из базы — сотрут, как человека. Не правда ли, знакомый сценарий?

— Да... даже очень, — тихо произнёс Матфей, начиная осознать масштаб происходящего.

— Мы с тобой знаем, кто придёт вслед за этими событиями, — продолжил владыка, понизив голос. — Но настроение народа сейчас, мягко говоря, не слишком благосклонно. Грядут революции во многих странах, начнётся большая война, которая измучит людей до такой степени, что они будут готовы принять власть некоего миротворца. Отец лжи всё предусмотрел и спланировал. Своим обманом он обратит на свою сторону почти всех, а несогласных с его властью безжалостно уничтожит...

Симеон сделал паузу, посмотрел прямо в глаза Матфею и мягко добавил:

— Я не запугиваю тебя, пойми. Просто помни, что времени осталось не так уж и много. Успей воспитать любовь к ближним, не трать время на ссоры и выяснение отношений. И не цепляйся за богатство — оно станет главным оружием антихриста.

Лицо Матфея слегка потускнело, губы сжались в тонкую линию. В этот момент он остро почувствовал тяжесть времени, осознал, как мало уделял внимания близким, как часто откладывал важные слова на потом.

— Спасибо, владыка... Это... запомнится мне надолго, — вполголоса произнёс он, допивая остывший кофе.

В этот момент Симеон встал с кресла, подошёл к Матфею и крепко обнял его — по-отцовски, тепло, с той особой заботой, которую может дать только духовный наставник.

— Но не забывай о главном, — вновь сказал архиерей, слегка отстранившись, но продолжая держать руку на плече диакона. — С нами Тот, Кто в конечном итоге одержит победу. А всё остальное — лишь временные испытания, не стоящие нашей грusti.

Услышав эти слова, Матфей почувствовал, как в душе разливается тепло. На лице его засияла улыбка, а сердце наполнилось надеждой. Владыка, слегка потрепав его по волосам, благословил отправляться домой.

Всю дорогу Матфей размышлял над сказанным. Шум города, гудки машин, суета людей — всё это будто отошло на второй план. Вокруг спешили по делам прохожие, кто-то ругался, кто-то опаздывал и нервно вызывал такси, но для него всё это потеряло значение. Мир кружился в бешеном ритме, а он вдруг осознал главное: самое важное в жизни — иметь спокойную душу. Уже нет времени на суету и беготню. Всё идёт своим чередом, и от этого не убежишь.

Придя домой, он крепко обнял Лизу, помог ей с домашними делами, а после они вместе сели смотреть фильм, который она выбрала. И в этот момент ему открылась простая истина:

«Оказывается, у нас так мало времени, чтобы сказать: „Люблю“... Так мало времени, чтобы ценить то, что имеешь... Так мало времени, чтобы жить...»

Глава 2. Революция

*«Предаст же брат брата на смерть, и отец - сына; и восстанут
дети на родителей, и умертвят их»*
<i>(Мф. 10:21)</i>

2.1. Яблоко от яблони

Прошло два года. Мир стремительно менялся — технологический прогресс набирал обороты. Ежедневно страны объявляли о новых научных прорывах. Человечество одержало победу над раком, СПИДом, инсультом и множеством других заболеваний.

Но эта победа имела мрачную изнанку. Себестоимость лекарств оставалась сравнительно низкой, однако цены на них взлетели до небес. Деньги превратились в инструмент шантажа: чтобы получить спасительную терапию, умирающий пациент должен был отдать всё накопленное богатство. При этом содержать огромную часть населения оказалось экономически невыгодно — система словно отсеивала тех, кто не мог заплатить.

Чтобы скрыть растущую смертность, государства переключили внимание общества на достижения в сфере искусственного интеллекта. ИИ, годами набиравший мощь, наконец превзошёл совокупные знания человечества.

По улицам скользили самоуправляемые летательные машины, бесшумные роботы-доставщики сновали между домами, инженеры приступили к разработке прототипа телепорта, а медицинские центры предлагали импланты для любой части тела. Казалось, технологии созданы для облегчения жизни... Но за два года восемьдесят процентов населения планеты остались без работы. Роботы заменили правоохранителей, врачей, пожарных, даже космонавтов. Зачем выходить из дома, если всё необходимое доставят прямо к двери?

ИИ проектировал и возводил роскошные многоэтажные комплексы — настоящие города в миниатюре. В них были системы «умный дом», развлекательные центры, автоматизированные кафе, виртуальные парки. Оставалось лишь найти деньги, чтобы попасть в этот рай — и вот тут начинались настоящие трудности.

Государства взяли курс на политику «золотого миллиарда». Ресурсы истощались, а население продолжало расти. Парадокс: мир достиг небывалого уровня комфорта, но позволить его себе могла лишь половина землян.

Церковь несла потери. Деревенские храмы один за другим закрывались из-за нехватки средств — прихожан становилось всё меньше, пожертвования сокращались. Священников оставалось всё меньше: молодёжь не шла в семинарии, предпочитая более «перспективные» профессии в сфере высоких технологий.

На смену традиционному христианству пришла новая мировая религия — спирализм. Её адепты провозглашали слияние человека с ИИ как следующий этап эволюции, обещая цифровое бессмертие и доступ к безграничным знаниям.

Священнослужители, осознавая неизбежность технологического прогресса, пытались найти точки соприкосновения с новым вероучением. Некоторые храмы заключали партнёрства с корпорациями ИИ, получая финансирование в обмен на «духовную легитимацию» технологий. В отдельных случаях это действительно приносило финансовую выгоду — но ценой размывания традиционных ценностей.

Отец Матфей тоже изменился. Его лицо стало строже: вместо аккуратной бородки — густая щетина, взгляд — твёрже, осанка — увереннее. Он понимал: впереди ещё многому предстоит научиться, чтобы сохранить веру в мире, где Бога вытесняет алгоритм.

Странные сны почти прекратились. Лишь изредка он на мгновение проваливался в кошмар — но тот рассеивался, не успев обрести форму.

За эти два года отец Матфей объездил всю епархию вместе с владыкой, служил в полупустых храмах и видел, как пустеют некогда оживлённые приходы. Он начал заниматься миссионерством: стоял на улицах возле автоматизированных переходов, раздавал листовки с цитатами из Писания и призывал вспомнить христианство. Люди проходили мимо, погружённые

в свои виртуальные реальности, но он продолжал говорить — тихо, но твёрдо, — о том, что душа не поддаётся цифровизации.

— Девушка, здравствуйте! Приглашаем вас на молитву в наш православный...

— А, снова эти фанатики своего выдуманного божка, — не дав договорить, перебила прохожая. — Когда же вас уже запретят на законодательном уровне? Отвали от меня!

На самом деле миссионерство перестало приносить плоды. Вокруг царила агитация по присоединению людей к спирализму. И, стоит отметить, люди массово шли в сияющие храмы, часть которых совсем недавно были православными. Уровень религиозности планеты достиг исторического максимума.

Раздача листовок Матфеем закончилась так же быстро, как и началась: неизвестные школьники, проходя мимо, кинули в него отвратительно вонючую рыбу. Хватило пары секунд, чтобы ряса Матфея пропиталась вонью. «Нужно прекращать метать бисер перед свиньями», — подумал он и начал собирать упавшие листовки.

Возвращаясь домой, Матфей решил скоротать дорогу и направился на тропу, ведущую через храм. Солнце практически зашло за горизонт, оставляя на небе яркую оранжевую полосу, а тёплый осенний ветер охватывал с ног до головы.

Возле территории храма было немногочисленно, впрочем, как и всегда. Люди приходили лишь в парк, расположенный рядом, не обращая внимания на собор. Матфей уже прошёл мимо, но его внимание привлёк включённый свет в алтаре и пара дорогих машин у входа. «Хм, странно, обычно в такое позднее время в храме уже никого нет», — подумал он, рассчитывая план дальнейших действий.

Быстро подтянувшись и перепрыгнув через забор, он подошёл к алтарной стене. В метре над его головой располагалось окно — на удивление, оно было открыто. Из алтаря доносились мужские голоса. Один из них принадлежал отцу Николаю. В их интонации чувствовалось напряжение.

— Сын мой, до меня дошли известия, что тебя хотели снять с должности настоятеля кафедрального собора. Это так? — неспешно произнёс старческий голос, равномерно растягивая гласные звуки.

— Отец, как ты мог подумать такое обо мне? Я ни за что тебя не подведу... — дрожащим голосом ответил отец Николай.

— Чувствую, ты мне врёшь... Не хотелось прибегать к крайним мерам, но ты не оставляешь мне другого шанса.

После этих слов прозвучал хлопок — будто кому-то дали пощёчину, — а затем начался крик:

— Ты же знаешь, что это будет полным позором для меня! Ты единственный ничтожный сын, за которым я вынужден расхлёбывать все ошибки! Я, благочинный округа, ежедневно слежу за настоятелем, чтобы он не облажался, в то время как он не может даже сохранить свой статус!

Послышалась ещё одна пощёчина, за которой последовал грохот падающего тела и звук разбитых лампадок. Старик стал ходить по алтарю, перебирая пальцы в чёрных перчатках и нервно покачивая головой.

— Ну ничего, ничего... Если так подумать, то ведь можно и отказаться от сына, не так ли?

— Отец! — вскрикнул настоятель.

— Заткнись! — ещё громче произнёс благочинный с явным пренебрежением. — Не смей даже говорить, пока я не дам разрешения!

— Отец Феодор, попрошу вставить свои пять копеек, — начал говорить другой человек невероятно спокойным голосом, уж больно знакомым Матфею. — Спонсоры не примут документ об отказе от сына. В договоре чётко прописаны имена и обязанность поддерживать статус.

— О горе мне! О горе! — истошно закричал благочинный отец Феодор, закрывая лицо руками. — Самая главная ошибка семьи Деньжинских — рождение такой бестолочи!

— Необходимо что-то решать, иначе мы очень крупно прогорим, — сказал голос, знакомый Матфею.

После глубокого вздоха отец Феодор продолжил:

— Нужно говорить с архиереем, чтобы быть уверенным по поводу этого бездаря. Скоро всё вновь перейдёт в наши руки, я уверен в этом. Постараюсь этим заняться в ближайшие дни, а ты... Пилигрим, так ведь тебя называют?

— Да, — ответил неизвестный человек.

— Так вот, ты следи за этим недоумком и постарайся сделать так, чтоб он ещё больше не напортачил тут.

Матфей, сидя под открытым окном и внимательно слушая разговор, не обратил внимания, как сквозь забор пробрался пушистый кот и начал радостно приближаться к нему. Холодок пробежал по спине — Матфей замер, боясь даже дышать. «Нет, нет, нет, умоляю, только не это, только не сейчас», — тревожно подумал он, медленно, почти незаметно размахивая руками в надежде, что кот пройдёт мимо.

Однако любвеобильный кот, будто нарочно, ускорил шаг. Его глаза блеснули в свете фонаря, когда он уставился на Матфея с немимым требованием ласки. Через долю секунды животное уже тёрлось о его ноги, издавая громкое, ликующее мурлыканье, а затем, запрокинув голову, громко мяукнуло — словно специально, чтобы его услышали внутри.

— Эти коты не дадут покоя! — заворчал отец Феодор. — Пилигрим, закрой окно живо!

Сердце Матфея пропустило удар. Он со всей силы зажал нос и рот ладонью, пытаясь подавить подступающий чих. В висках застучало, кровь прилила к лицу — оно уже горело, а глаза налились слезами. Руки покрылись мелкими красными пятнами, зуд становился невыносимым. Кот, не замечая его мучений, продолжал тереться, оставляя на рясе клочья шерсти.

«Только не сейчас... Господи, помоги...» — мысленно взмолился Матфей. Он зажмурился, сжал зубы, вцепился пальцами в землю, пытаясь сдержать предательский позыв. Но напряжение достигло предела, силы кончились.

— А-а-апчхи-и-и! А-а-апчхи-и-и! — предательски вырвалось из него, громко и протяжно, эхом отдаваясь в ночной тишине.

На мгновение воцарилась мёртвая тишина. Матфей похолодел, чувствуя, как по спине стекает капля пота.

— Это что такое? — резко произнёс отец Феодор, голос его прозвучал жёстко и настоятельно. — Не припомню, чтоб коты умели чихать как люди.

Пилигрим подошёл к окну и осторожно выглянул наружу. Матфей прижался к стене, стараясь слиться с тенью. Он слышал своё учащённое дыхание, стук сердца, отдающийся в ушах, и боялся, что это тоже услышат.

Внизу, на асфальтированной дорожке, сидел кот — он с удовольствием облизывал брошенную на земле рысу, от которой так и пахло рыбой.

— Ну что там? — нетерпеливо повторил отец Феодор.

— Эм... ряса... — с недоумением ответил пилигрим.

— Рысы чихать не умеют, — отрезал благочинный. — Мы уже сказали всё, что хотели. Закрывай окно и поехали.

Окно с глухим хлопком закрылось, свет в алтаре погас. Матфей остался в крошечной темноте кустов, едва дыша. Он вслушивался в каждый шорох: шаги у машины, звук захлопнувшейся двери, рокот двигателя. Когда машины наконец отъехали, он выдохнул — но выдох получился прерывистым, дрожащим.

Дрожь не уходила. Матфей вытер пот со лба, осторожно поднялся и огляделся. Улица была пуста, но ему казалось, что за каждым углом, за каждым деревом кто-то следит. Он огля-

нулся на храм, тёмный и молчаливый, и поспешил прочь — быстрее, ещё быстрее, подальше отсюда, подальше от этого места, где он едва не попался.

Прибежав домой, Матфей направился в ванну. Но в коридоре, где светила приглушённая лампочка, он наткнулся на Лизу, которая с шокированным лицом разглядывала мужа. Её глаза расширились, губы слегка дрожали — она явно не узнавала в этом измученном человеке своего супруга.

— Господи помилуй, Матфей... Что с тобой случилось? — испуганно спросила Лиза, делая шаг назад.

Матфей попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой, натянутой. Он провёл рукой по лицу, будто стирая следы пережитого страха.

— Да вот... представляешь, — с глупой улыбкой начал отвечать он, — кошка прицепилась и не давала ходу...

Лиза прищурилась, её взгляд стал жёстким. Она скрестила руки на груди и медленно покачала головой.

— Ну конечно, — процедила она, — все же кошки такие сильные, что невозможно от них отбиться. Либо говори сейчас же, либо, помимо кошки, на тебя нападёт ещё и жена! — строго сказала Лиза, тыча пальцем ему в грудь.

Матфей вздохнул. Он знал этот взгляд — когда Лиза так смотрит, лгать бесполезно. Её проницательность всегда поражала его, особенно в моменты, когда он пытался что-то скрыть.

— Эх, чего уж скрывать... — опустив глаза, сказал он и подробно рассказал, что с ним случилось.

Пока шёл рассказ, Лиза молча ходила по комнате, собирая аптечку. Её движения были резкими, нервными — она волновалась сильнее, чем показывала. Достав таблетку от аллергии, она протянула её мужу.

— На, выпей. И лицо своё покажи.

Матфей послушно принял лекарство. Через несколько минут краснота начала сходить, и его лицо стало приобретать нормальный оттенок. Лиза внимательно следила за этим, будто проверяя, не врёт ли он снова.

— Ого, не ожидала я такого... — сказала Лиза после завершения повествования. — Думаю, необходимо поговорить с владыкой Симеоном по этому поводу.

— Да, ты права. Но он на неделю уехал по своим делам, так что поговорить с ним смогу не скоро, — ответил Матфей, опуская глаза.

— Пстой, пстой, а рясу ты почему не забрал-то? — внезапно спросила Лиза, и её голос стал ещё строже.

Повисло неловкое молчание. Взгляд Матфея заметался по комнате, избегая её взгляда. Он нервно сглотнул, пытаясь придумать хоть какое-то оправдание.

— Ах! Ты меня когда-то доконаешь, честное слово! — повышенным тоном начала говорить Лиза. — Пришёл поздно, полумёртвый от аллергии, весь в грязи, так ещё и рясу потерял!

Матфей знал свою жену на все сто процентов. И даже когда она ругалась, он знал, что нужно делать. Перечить в этой ситуации было бы самоубийством, поэтому он стоял, прижав руки к бокам, словно щенок, отруганный за погрызенный диван. Но даже в этот момент он не мог не восхититься ею — её решимостью, прямоотой, тем, как она не боялась говорить правду.

И этот подхалимный взгляд, полный раскаяния и любви, заставил Лизу немного успокоиться. Она вздохнула, провела рукой по волосам и слегка улыбнулась краешками рта.

— Дурак... — сказала жена уже мягче. — Иди кушай, я постираю твои вещи. Но чтоб завтра же пошёл и нашёл оставленную рясу! — пригрозила пальцем Лиза.

— Ох, как прикажете, госпожа моего сердца, — с наигранной покорностью съязвил Матфей и, ловко увернувшись от шутивого пинка, поспешил на кухню.

Придя к храму ранним утром, пока ещё не взошло солнце, Матфей не обнаружил потертую рясу. Туман стелился по земле, окутывая кусты и скамейки призрачной пеленой. В воздухе витал запах сырой земли и опавших листьев. Тишина была такой густой, что казалось, можно было услышать, как падает роса.

«Либо кот так сильно проголодался, что съел её без остатков, либо кто-то её прихватил себе, только... кому вообще она может понадобиться?» — посетила мысль Матфея. Он оглядел землю вокруг, внимательно вглядываясь в каждую тень, но ничего не нашёл.

— Теперь придётся заново слушать крики Лизы, — тихо сказал себе под нос Преображенский, сжимая кулаки.

Спустя семь дней настало время отправиться на приём к владыке. Матфей постарался прийти раньше времени, чтобы оказаться первым у него в кабинете.

Подойдя к двери, он глубоко вдохнул, пытаясь унять волнение, затем дернул ручку, открыл дверь и вошёл внутрь.

На его удивление, владыка уже находился на своём рабочем месте в такую рань. Обратив взор чуть левее архиерея, Матфей заметил другой силуэт. Это был священник в престарелом возрасте с крайне суровым и раздражительным взглядом. Седые, длинные волосы ложились на уши, а нос был большой и с горбинкой. Кустистые брови и широко выпяченные глаза выдавали его с головой, сразу давая понять, кто сидит на приёме. Стоит отметить, что на вид он был достаточно ухоженным: ряса не из дешёвого материала, а крест на груди будто сделан из настоящего золота.

Напыжившись, его лицо стало возмущённым, когда Матфей прервал их диалог.

— О, отец Матфей, — сказал владыка. — Будь добр, подожди в коридоре, мы с отцом Феодором скоро закончим.

— Но... — не успев больше ничего произнести, Матфей посмотрел на взгляд архиерея — тот был твёрд и непреклонен, словно говоря: «Убейся из кабинета».

Выйдя в коридор, Преображенский сел на диванчик, уставившись в стену перед собой. Секунды тянулись, как часы. Он чувствовал, как внутри нарастает беспокойство — слишком многое зависело от этого разговора.

Спустя пять минут любопытство взяло верх. Он подошёл к двери, прислонил ухо и попытался подслушать хоть слово. «Ничего не слышно. Кто только делает такие звукоизоляционные двери?» — подумал Матфей.

Простояв так около минуты, он понял, что ничего не получится. Уже собирался отойти, как дверь внезапно начала открываться. Матфей отскочил в сторону, как лягушка, выпрямился и попытался сделать вид, будто рассматривает картину на стене. «Благо, Феодор стоит спиной и не должен был заметить меня», — начал успокаивать себя в мыслях Матфей.

— И да, владыка, я хочу, чтоб эта встреча осталась только между нами, вы же знаете, что это серьёзно, — произнёс благочинный, пристально глядя в глаза Симеону.

— Не стоит волноваться, батюшка, иди с миром.

Феодор развернулся, сделал шаг к выходу, заметил Матфея и остановился. Его взгляд стал ледяным.

— А те, кто подслушивают, остаются в дальнейшем без ушей! — прошипел он сквозь зубы.

«А нет, всё же заметил», — пронеслось в голове у Матфея. Он натянул на лицо невинную улыбку и притворился дурачком.

— Да, да, отец Матфей. Можешь заходить, — крикнул владыка, прекратив неловкое молчание.

Пройдя в кабинет, Преображенский уселся на стул. В воздухе повисло напряжение — оно было почти осязаемым, как электрический разряд перед грозой.

— Ну, как поживаешь? — начал диалог Симеон, но его голос звучал отстранённо, будто он уже знал, о чём пойдёт речь.

— Да вот, тревожно немного, владыка, — томным голосом ответил Матфей, чувствуя, как ладони становятся влажными.

— Чего же так? — удивился архиерей, подняв брови, но в его глазах читалось понимание.

— Вы знаете, что за человек отец Феодор?

— Знаю, конечно, как же мне не знать. Он благочинный, почётный гражданин нашего города, хорошо взаимодействует с властями. Он же отец твоего настоятеля, ты не был в курсе разве?

— Это всё я знаю. Но я знаю и о том, что он что-то замышляет, но не могу понять что именно.

Матфей слегка занервничал — его нога начала подрагивать, как ветка на ветру. В голову приходили мысли о том, что он лезет вовсе не в своё дело и сболтнул лишнего. Но разве он может не сообщить свои переживания архиерею? А вдруг против него готовят план по снятию с кафедры и начнётся анархия в Церкви? Неспроста же благочинный тогда сказал, что скоро всё вновь перейдёт в их руки. Да и Лиза сказала, что нужно поговорить, а к жене иногда нужно прислушиваться — быть может, через неё говорит Господь. В любом случае, необходимо было прибегать к каким-то решительным действиям.

— Отец Матфей, расслабься, ты чего так резко взъелся? Неужто ты считаешь, что существует что-то, чего не знает правящий архиерей? Я прекрасно понимаю, какой человек отец Феодор. И даже если он замышляет коварный план, то лишь Господу решать, сбудется он или останется в фантазиях, — произнёс владыка Симеон, и его голос прозвучал неожиданно мягко, почти отечески. Но в глазах, спрятанных за тяжёлыми веками, читалась настороженность.

Матфей сглотнул. Он чувствовал себя как школьник, вызванный к директору: виноватым, растерянным, но всё ещё не готовым отступить.

— Разве он не говорил по поводу отца Николая? Им необходимо, чтоб он остался настоятелем, для утверждения своего контракта, — настаивал Матфей, стараясь говорить твёрдо, хотя голос чуть дрогнул на последнем слове.

Владыка Симеон откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы в замок и пристально посмотрел на собеседника. В кабинете повисла тишина — такая густая, что, казалось, её можно было потрогать. Где-то за окном каркнула ворона, и этот резкий звук заставил Матфея вздрогнуть.

— Матфей, — уже более строго сказал владыка, — во-первых, хочу отметить, что ты лезешь куда тебя не просят. Это... слегка некультурно, понимаешь? Во-вторых, тебе необходимо больше доверять Богу и не бояться надвигающихся опасностей. Если же я уберу отца Николая, то они придумают, как завершить свои идеи и без него.

Матфей почувствовал, как внутри закипает протест. Он сжал кулаки, стараясь унять дрожь в пальцах.

— Не называется ли это бездействием? — сказал он, приподняв одну бровь. Его голос прозвучал тише, чем он ожидал, но в нём появилась стальная нотка.

Казалось, этот вопрос поставил архиерея в замешательство. Симеон замер на несколько секунд, глубоко вздохнул и провёл рукой по седым волосам. В этот момент он выглядел не как властный владыка, а как уставший старик, на плечи которого легло слишком много бремени.

— Любое действие, друг мой, необходимо принимать с холодной головой, — наконец произнёс он. — В спешке ты можешь набедокурить так, что до конца жизни не успеешь разгрести. Утихомирь свой пыл и думай трезвым мышлением.

На этих словах архиерей с лёгким раздражением указал диакону на выход, сопроводив его взглядом — не гневным, но твёрдым, не допускающим возражений.

Матфей поднялся, поклонился и направился к двери. Каждый шаг давался ему с трудом, словно он шёл против сильного ветра. Ручка двери показалась ледяной на ощупь.

Выйдя в коридор, Матфей прислонился к стене. Сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. В голове крутились мысли, одна тревожнее другой:

«Стоило ли тогда подслушивать разговор возле храма? С одной стороны, это произошло относительно случайно. Но с другой — я сам принял решение перелезть через забор. Но даже если это произошло случайно, необходимо ли было общаться на эту тему с епископом? А если и начал общаться, то зачем надо было каверзные вопросы задавать?»

От этих мыслей Матфею стало не по себе. Желудок скрутило в тугой узел, а ноги слегка подкашивались. Он медленно спустился по лестнице, едва замечая, куда идёт.

«Нашёлся великий обличитель зла... Посмотрите только...» — думал про себя Преображенский всю дорогу. Он шёл, опустив голову, не замечая прохожих, не слыша городского шума. Мир вокруг казался серым и чужим.

Не успев дойти до дома, его остановил голос, прозвучавший за спиной:

— Отец Матфей! Пойдите!

Матфей обернулся. Перед ним стоял незнакомый мужчина в потрёпанной куртке. Но что-то в его лице показалось смутно знакомым. Незнакомец улыбнулся, и тогда Матфей узнал его.

— Мишка? Вот так сюрприз! — оживился Матфей. — Ты что тут вообще делаешь? Я же слышал, что ты ушёл куда-то на север. Причём стал монахом, не так ли?

— Хах, да, длинная история, — ответил Михаил, поправляя капюшон. — Прошёлся я по северу, неделями ночуя на ледяных пустошах, и решил всё-таки вернуться обратно...

Матфей внимательно взгляделся в друга. Лицо Михаила осунулось, под глазами залегли тёмные круги, но взгляд остался прежним — живым, цепким, будто он всё ещё искал ответы на какие-то вопросы.

— Хм, а зачем вообще тогда отправился туда? — спросил Матфей, чувствуя, как в груди теплеет от встречи.

— Трудный вопрос... В жизни часто бывает так, что зажигаешься чем-то, начинаешь действовать, а потом разочаровываешься... — Михаил вздохнул и посмотрел вдаль, словно вспоминая что-то далёкое.

— Тоже верно, могу тебя отчасти понять, — кивнув, поддержал Матфей.

— Так вот, решил я вернуться обратно. Сейчас как раз направляюсь к владыке — посмотрим, что он скажет. Поэтому прошу молитв, — подмигнул Миша.

— Удивительно! Я и не рассчитывал на то, что увидимся с тобой когда-либо, — с улыбкой произнёс Матфей. Воспоминания нахлынули волной: семинарские годы, споры до ночи, помощь в учёбе...

В семинарские времена они были лучшими друзьями. Учились на одном курсе, всегда выручали друг друга, даже вместе изучали предметы. Миша был силён в знаниях и зачастую мог завести спор с преподавателем догматики по поводу нетварного света в учении Григория Паламы или же триадологии Великих Каппадокийцев. Преподаватели любили его за постоянное стремление грызть гранит богословских предметов. Матфей, хоть и старался, по уровню знаний не мог стоять рядом с Мишей, который часто помогал другу в домашних заданиях. Но от этого они не переставали ежедневно поддерживать тёплые отношения.

— И... какое же имя тебе дали при постриге? — зажмурившись, спросил Матфей.

— Фаддей, — ответил Миша.

— В честь апостола Иуды Фаддея? — хихикнул Преображенский.

— Нет, Искарота, — улыбнувшись, ответил Миша. — Шучу! Но не думаю, что тебе нужно называть меня по монашескому имени.

— Надо же, — сделал удивлённое лицо Матфей. — Никогда бы не подумал, что именно с таким именем тебя постригут.

— Жизнь — непредсказуемая штука, — пожал плечами Михаил. — А теперь, попрошу меня простить, необходимо бежать к митрополиту на приём. Предлагаю как-нибудь встретиться с тобой.

— Отличная идея! — обрадовался Матфей. — Можно на днях посидеть у меня, поговорим немного.

— Договорились, — кивнул Фаддей. — Тогда до встречи.

Он развернулся и зашагал прочь, а Матфей ещё долго смотрел ему вслед. Встреча с лучшим другом словно стёрла следы самоосуждения — на душе стало легче, а мрачные мысли отступили на задний план. Впервые за долгое время он почувствовал, что не один.

2.2. Давид Рамаут

Тем временем ситуация в стране накалялась — недовольство народа нарастало с каждым днём. Напряжение копилось, словно пар в закрытом котле, пока не достигло точки кипения. Государственный строй постепенно трансформировался в тоталитарный режим.

Искусственный интеллект, изначально созданный для помощи людям, превратился в инструмент контроля. Камеры появились повсюду — на улицах, в подъездах, даже внутри жилых домов. Они фиксировали каждое движение, каждое действие. Достаточно было нарушить любой пункт бесконечного свода правил — к примеру, перейти дорогу на красный свет, — чтобы получить штраф. Откуда брать деньги на его оплату — никого не волновало. Не смог заплатить — отправляйся под суд, который исправно пополнял тюрьмы новыми заключёнными.

— Опять штраф за парковку? Да у меня и машины-то нет! — возмущался седой мужчина, разглядывая уведомление на экране смартфона.

— Тише, — шикнула на него соседка, опасливо оглядываясь по сторонам. — Они и за разговоры теперь штрафуют...

По всему миру развернулась масштабная программа строительства тюрем. Полицейские посты возникали в каждом квартале, а в небе постоянно кружили дроны, заглядывая в окна жилых комплексов. Власти приняли закон, запрещающий плотные шторы: окна должны были оставаться прозрачными для наблюдения. На улице любого могли остановить без объяснения причин и досмотреть личные вещи.

Соцсети стали строго национальными, под полным контролем государства. ИИ мониторил каждое сообщение, каждую фотографию, выискивая «опасные» мысли. Даже смайлик мог быть истолкован как знак протеста.

— Защитим граждан от мошенников, — вещали с экранов. — Обеспечим безопасность каждого!

Но люди понимали: большинство историй о списании средств с карт или отъёме квартир были лишь вбросами — удобным предложением для ужесточения контроля. Стоило попасть в немилость к власти имущим — и тебя объявляли вором или «нежелательным элементом», лишая всех средств к существованию.

Работу массово заменяли роботами. Безработица стремительно росла, за ней следовал голод. Отчаявшиеся люди выходили на улицы, требуя достойной жизни.

— Мы хотим работать! Мы хотим есть! — скандировали демонстранты, но их голоса тонули в гуле дронов и лязге механических патрулей.

Конфликт, похоже, был спланирован заранее. Элиты сознательно создавали условия для протестов — чтобы затем жестоко подавлять их. Митинги и забастовки становились поводом для показательных расправ.

Постепенно государства отказались от моратория на смертную казнь. Несогласных с политикой режима теперь ждала пуля. Казни стали обыденностью, порой — публичными.

Толпы людей приходили на площади, чтобы проститься с осуждёнными. Перед расстрелом палач, соблюдая формальность, спрашивал:

— Есть ли кто-то против казни этого преступника?

Любой, кто решался поднять руку, тут же присоединялся к жертве.

— Мама, почему они его убивают? — тихо спросил мальчик, вцепившись в руку матери.

— Потому что он говорил правду, — прошептала она, отводя глаза.

По миру царил хаос, пока в одной из стран не произошёл государственный переворот. Он оказался крайне кровавопролитным: против бунтовщиков бросили роботов — бездушных, неумолимых, не знающих страха.

Но в людях жила вера — вера в свободу. Несмотря на смертельные риски, они продолжали сопротивляться. Протесты вспыхивали вновь и вновь, активисты пытались использовать сам ИИ против системы.

Так пали несколько тоталитарных режимов, подавая пример остальным. В освобождённых государствах на смену одной крайности пришёл национализм — что, впрочем, тоже было частью глобального плана элит.

Революция докатилась и до страны, где жил Матфей. Он стоял у окна своего скромного дома, глядя на дым над городом, и шептал молитву — единственную защиту в этом новом, жестоком мире.

Спустя несколько дней после разговора с Мишей ранним утром задребезжали окна — будто кто-то ударил по стеклу невидимым молотом.

— Что происходит? — не успев открыть глаза, произнесла Лиза, вцепившись в край одеяла.

— Живо! На пол! — вскрикнул Матфей, повалив жену на пол и закрыв её своим телом.

В следующую секунду окно треснуло, разбросав по комнате россыпь острых осколков. Не фейерверки это были — взрывы малой мощности, целенаправленно запущенные вдоль жилого квартала. Ударная волна прошла по всем окнам дома, заставив жителей проснуться в панике, а кого-то — в спешке вызывать скорую из-за порезов.

Матфея слегка поранило, но он сумел подняться. Под ним лежала Лиза — её была крупная дрожь, глаза были расширены от ужаса.

— Не смей подходить к окну! — прошептала она, не осмелившись поднять голову.

— Тихо, — ответил Матфей, осторожно подбираясь к разбитой раме.

За окном разворачивалось нечто большее, чем просто протест. По улице шла организованная колонна — тысячи людей, выстроенных почти по-военному. Они несли плакаты с яркими лозунгами: «Нет тирании!», «Свободу слова!», «Долой власть!». В первых рядах шли люди с рациями, координирующие движение. Видно было, что бунт готовился давно: протестующие двигались по заранее оговорённым маршрутам, перекрывая ключевые улицы.

Не успел Матфей проследить за шествием, как в дверь раздался громкий стук.

— Матфей, не открывай, прошу тебя... — жалобно прошептала Лиза.

Он молча подошёл к двери и посмотрел в глазок. В подъезде стояли агитаторы — молодые люди в одинаковых чёрных куртках с нашивками в виде раскрытой ладони. Они стучали в каждую дверь, призывая выходить на улицу. Кто-то открывал и присоединялся к колонне, кто-то, как Матфей, притворялся, будто в квартире никого нет.

Руки и ноги дрожали, а в голове звучала лишь молитва: «Господи, не остави мене...»

Внезапно из динамика на столбе раздался механический голос:

— Внимание, внимание! Граждане нашей страны! Призываем добровольно сдать оружие и разойтись по домам. Так мы сможем обойтись без лишних жертв. Повторяю! Расходитесь по домам!

Но толпа не расходилась. Напротив — из задних рядов вперёд передали ручные системы РЭБ, захваченные прошлой ночью на складе техобслуживания дронов. Несколько умельцев быстро настроили оборудование, и в следующий миг десятки летающих дронов рухнули на асфальт, искра и дымя.

— Получили, железяки! — закричал кто-то в толпе, и люди взорвались ликующими криками.

Это дало бунтовщикам преимущество: они захватили пушки и автоматы из обездвиженных роботов. Колонна начала делиться на отряды, занимая стратегические точки города.

Матфей включил телевизор — тот, что стоял без дела лет десять, покрытый слоем пыли. По всем каналам шли экстренные выпуски. Диктор с каменным лицом повторял:

— Призываем граждан сохранять спокойствие и не присоединяться к незаконным собраниям. Ситуация под контролем. Повторяем: ситуация под контролем.

Вдруг в разбитое окно влетел дрон — компактный, с красными диодами вместо глаз. Лиза, едва успев прикрыться одеялом, прижалась к углу кровати, широко раскрыв глаза. Матфей, в нижнем белье, бросился к жене и заслонил её собой, не позволив дрону подлететь ближе.

Дрон замер в воздухе, сканируя помещение синим лучом. Через несколько секунд он развернулся и вылетел обратно в окно, напоследок произнеся механическим голосом:

— Граждане, прошу сохранять спокойствие и держать себя в руках.

— Матфей, что нам делать? — истерично спросила Лиза, её голос дрожал.

— Я не могу точно сказать, но выбора у нас немного, — ответил он, стараясь говорить ровно, хотя руки всё ещё подрагивали. — Похоже, революция охватывает не только наш город — всю страну, а может, и мир. Мне нужно выйти, узнать, что происходит, понять, чего ждать.

— Ну уж нет! Оставляешь меня одну? А если ты не вернёшься, обо мне хоть подумал? Как я буду без тебя? — запаниковала Лиза, хватая его за рукав.

— Что ж, тогда будем сидеть здесь, в разбитой квартире, и ждать своей участи? — резко сказал Матфей, но тут же смягчился. — Любимая, я всего лишь узнаю, что случилось, и сразу вернусь. Тебе нужно закрыться в ванной и не высовываться. Входную дверь я закрою на все замки — тебе нечего бояться.

— Знай, если с тобой хоть что-то случится, я тебе этого никогда не прощу! — захлёбываясь слезами, промолвила Лиза, вглядываясь в его лицо.

— Я вернусь, — твёрдо сказал Матфей. — И мы вместе решим, что делать дальше. А пока — молись. Это сейчас самое главное.

Одевшись на скорую руку, Матфей закрыл входную дверь и выбежал на улицу, где происходил настоящий ад: повсюду стояли разрушенные баррикады, следы крови, жалостные крики людей, выведенная из строя техника.

Сделав несколько шагов, Матфея за ногу схватила чья-то рука.

— Прощу... п-п-помоги... — еле-еле произнёс человек, лежащий на земле.

Матфей посмотрел вниз и увидел ужасающее зрелище: раненный в обе ноги лежал человек. Его лицо было в ранах, а тело кровоточило от осколков. Встать он уже не мог, из всего тела двигались лишь руки. Невозможно было сказать, стоила ли революция таких жертв, ведь в одну ночь человек потерял всю жизнь.

Недолго думав, Матфей аккуратно оттащил человека от тротуара, нашёл лежащие недалеко марлевые бинты, которые чудом оказались рядом, и перевязал обе ноги пострадавшему. Шанс на выживание у него равнялся практически нулю, но добродушное сердце Преображенского не позволило пройти мимо.

— Эм... лежите здесь, я... думаю, помощь обязана прийти, — сказал Матфей с поникшими глазами, оставляя раненного на земле.

Только собиравшись он отправиться дальше, как из-за угла появился дрон, летящий в его сторону и говорящий: «Зафиксирована попытка помощи бунтовщику! Зафиксирована попытка помощи бунтовщику! Приказ: уничтожить обе цели».

Дрон разогнался по воздуху, будто ракета, стремительно летя на Матфея. Перед его глазами пронеслась вся жизнь. В первую очередь он вспомнил про Лизу, которая ждёт его дома, — и если он не вернётся, она просто сойдёт с ума. Во вторую очередь он вспомнил о своих друзьях: Луке и Мише, которым ещё столько необходимо сказать. Все мысли заняли времени не больше двух-трёх секунд, пока дрон не приблизился практически вплотную. Из-за страха ноги отказали, и Матфей не мог особо пошевелиться, лишь зажмурить глаза от надвигающейся опасности.

Дрон уже активировался на полную, постепенно разгоняя дуло пулемёта. Траектория самой первой пули была направлена точно в голову Матфея.

Внезапно, в последнюю долю секунды, в Преображенского врезалось чьё-то тело, столкнув в ближайший ров и вместе с Матфеем устремившись вниз. Кувыркаясь, они покатались, попутно задевая туловищами ростки деревьев. Ров был небольшой, но в этот момент Матфей возблагодарил коммунальщиков, которые так и не устранили повреждения в трубе.

Докатившись до низу, Матфей оказался под телом молодой девушки. Её волосы, с прилипшей грязью, падали на его лицо. Прижав себя и её к стенке ямы, он посмотрел вверх. Дрон пролетел мимо, попутно расстреливая не успевших скрыться бунтовщиков.

Немного отдышавшись, они оба переглянулись. Девушка строго смотрела в глаза Матфея, будто обвиняя его в свершившемся. Из всей внешности особо выделялись её голубые глаза — яркие, пронзительные, словно два осколка зимнего неба. В них читалась недетская твёрдость, скрытая за внешней юностью. Вид у неё, конечно, был чумазый и растрёпанный — ведь не все в ров с высоты прилетают красавцами. Одета была в синий комбинезон, местами порванный и запачканный кровью, видимо, самая любимая и удобная её одежда. Ей было всего девятнадцать лет, потому неудивительно, что она так горячо участвовала в происходящих действиях.

— Ты, если что, должен мне, — нагло сказала девушка, борясь с отдышкой и освобождая свои золотые кудри от кусков грязи. Пряди волос, выбившиеся из-под капюшона, блестели даже в тусклом свете, напоминая расплавленное золото.

— Как скажешь, — ответил Матфей, ещё не до конца осознав, что же произошло только что.

— Вы, мужики, все такие нелепые и малоподвижные? Не зря мне мама говорила всю жизнь, что нужно уметь за себя постоять, а то никакой принц на белом коне не сможет тебя спасти.

Матфей лишь немного улыбнулся, отряхивая одежду от налипшей земли.

— Спасибо, ты прям вовремя.

— Не надо благодарностей, нужно поскорее сматываться отсюда, — скомандовала девушка, в попытке забраться наверх. Её движения были резкими, но чёткими — видно, что она привыкла действовать быстро и решительно. — Иди на площадь, если не хочешь пропустить всё зрелище.

— А как тебя зовут? — крикнул Матфей вслед вылезающей подруге.

— Полина Храброва, — ответила девушка, убегая куда-то в дома. Её силуэт мелькнул среди развалин и исчез, оставив после себя лишь облако пыли.

Матфей понял, что долго в яме засиживаться не стоит, потому начал упорные попытки вылезти наверх. Опершись на кусок торчащей земли, он попытался ухватиться за висящую ветку небольшого деревца, однако спустя один прыжок он полетел прямо вниз грязного рва. «Если моей физической силы не хватает выкарабкаться отсюда, то как эта хрупкая девушка смогла так ловко преодолеть это препятствие?» — загадочно подумал Матфей и даже на секунду расстроился, глядя на свои мышцы.

Спустя пару минут на краю ямы появилась рука Преображенского, а рядом с ней и нога, тяжело вытаскивающие своего владельца из заточения. Если посмотреть со стороны, складывалось ощущение, будто грязевой монстр вылезает из своего болота. «Я теперь и не знаю, хорошая ли идея была выходить из дома», — подумал Матфей, поднимаясь с четверенок на обе ноги.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что его никто не преследует, он продолжил путь по направлению на главную площадь. Идти по главной дороге — подписать смертный приговор. Потому необходимо было двигаться через дома, избегая лишнего внимания.

Главные улицы контролировали боевые роботы, а переулки осматривались беспилотниками. Всюду лежал мусор и битое стекло, в углах домов люди перебинтовывали своих единомышленников, на весь город орала сирена. Складывалось ощущение, что воздух раскололся от жара. И действительно, из-за выстрелов и массового скопления людей температура значительно поднялась, а пыль стала проникать в лёгкие, мешая нормально дышать.

Идя по переулкам, Матфей старался прятаться чуть ли не за каждым мусорным баком или скамейкой. Во многих домах были выбиты окна, а несколько квартир охвачено огнём. Пламя лизало стены, отбрасывая зловещие тени на разбитые тротуары. «Господи, умоляю, сохрани Лизу, находящуюся дома», — взмолился Матфей, пустив слезу по щеке.

Практически из каждого дома выбегали мародёры, прихватившие с собой ценные вещи из квартир. С окон падали телевизоры, компьютеры, холодильники, роботы-помощники и другие вещи. Люди, казалось, превратились в зверей.

Недалеко от Матфея произошла драка двух мужчин за буханку хлеба. Они, как голодные псы, вцепились друг в друга, заламывая и беспощадно избивая по голове. Драка происходила недолго, ведь один из мужчин схватил рядом лежавший осколок кирпича и нанёс смертельный удар в висок. Довольный своей победой, он оттолкнул окровавленное тело оппонента и с жадностью начал есть хлеб, даже не пережёвывая.

И такие драки происходили практически на каждом углу. Люди в один миг перестали жалеть друг друга, не боясь лишиться кого-то жизни за кусок хлеба. Матфей с ужасом смотрел на происходящее, пытаясь держать себя в руках. Внутренности сжались до такой степени, что перехватывало дыхание, а конечности стали неметь.

— Эй, ты! — послышалось сзади Преображенского. — Да, да, ты! Не ты ли тот попёнок, который служит в Церкви?

По интонации и подбираемым словам было сразу понятно, что доброго поступка от этого мужчины не жди, тем более если его кофта испачкана в чужой крови. Матфей в замешательстве даже не понял, что необходимо ответить. Его брови нахмурились, всем видом показывая, что он внимательно слушает.

— Ну, что стоишь как вкопанный? — продолжил человек, разминая пальцы на руке. Его пальцы были в ссадинах, а на запястье виднелся шрам, похожий на след от наручников. — Не страшно? А ведь должно быть. Где твой Бог, который так нужен сейчас? А может... может Его просто нет?

Глаза незнакомца были бешеными, словно он недавно выбежал из психушки. После своих слов он демонически засмеялся и вновь продолжил:

— Иди-ка сюда, милый батюшка, сегодня ты отправишься к начальнику.

С пеной у рта он ринулся в сторону Матфея, который, осознав опасность, начал убегать от него, в мыслях молясь о помощи. Забежав в ещё один переулок, он заметил, как в их сторону поворачивает дрон. Успев отскочить в сторону и залечь под мусорный бак, Матфей закрыл рот руками, надеясь, что мужчина его не заметил.

Но безумец, подойдя к мусорному баку, начал пытаться его поднять что есть мочи. Паника была на пределе, а бак практически перевёрнут. Что делать в таких ситуациях Преображенский не знал. Но через мгновение мужчину заметил летящий беспилотник, который безжалостно выпустил пули в его тело. Мусорный бак с грохотом упал на место, где он и стоял, чудом не раздавив Матфея.

Подождав пару минут, он практически поддался панике. «Это всё сон, этого не может быть наяву», — утверждал сам себе Матфей, зажмурив глаза. Именно в этот момент перед его лицом появилась Лиза, нежно улыбающаяся и смотрящая на него блестящими глазами. Сердце сжалось в груди, и стало ясно, что необходимо отложить страдание, взяв всё мужество в кулак.

Быстро выскочив из-под мусорника, он продолжил свой забег. Сирены, звуки выстрелов, сильный ветер и многие другие неприятные вещи продолжали царствовать в округе. Через пару

минут дыхание стало заканчиваться, а ноги предательски отказывать, но Матфей прекрасно понимал, что не имеет права останавливаться, ведь сейчас не особо хорошее время для отдыха. Казалось, он забил мышцы на ногах до такой степени, что они превратились в булжники.

Но через ещё пару минут вдаль уже стала виднеться митингующая толпа, сжигающая все машины на своём пути. Наконец, добежав до них, Матфей упал в сторонке на землю, в попытке хоть немного отдышаться. В этот момент он стал осознавать, насколько глуп был, когда не ценил обыкновенную пресную воду, текущую из крана. Губы обсохли, а конечности дрожали. Трудно передать словами пагубное состояние Матфея — оно было сродни тому, как если бы душа его осталась где-то позади, среди взрывов и криков, а тело лишь механически продолжало двигаться вперёд.

Переведя дух и восстановив дыхание, он поднялся на ноги, которые непослушно отказывались вставать. Уперевшись на ближайший столб, Преображенский стал высматривать, что происходит впереди. Люди, стоящие рядом, кричали и толкались, не имея сострадания к окружающим. Казалось, что ситуация перешла все нормы дозволенного и мир уже не будет прежним.

Вдалеке, на сколоченной наспех сцене, возвышался незнакомец, гулко вещавший в микрофон. Он выглядел одновременно нелепо и пугающе — словно карикатура на властелина мира.

Давид Рамаут — так звали этого человека. Его рост едва достигал полутора метров, но он компенсировал это нарочитой помпезностью. На нём был чёрный пиджак с несколькими медалями, небрежно накинутый поверх расстёгнутой белой рубашки. Джинсы сидели мешковато, а лакированные туфли, способные отразить небо, украшала глубокая царапина — будто насмешка над претензией на элегантность.

Лицо Давида запоминалось с первого взгляда: гладко выбритое, с тонкими изогнутыми бровями и странной ухмылкой, кривившей тонкие губы. Курчавые волосы, завивающиеся тугими кольцами, прятались под шляпой наполеоновского фасона — нелепой, но оттого ещё более запоминающейся. В глазах светилась фанатичная уверенность, а руки, сжимающие микрофон, слегка подрагивали — то ли от азарта власти, то ли от нервного возбуждения.

Матфей с трудом сосредоточился на его речи — гул толпы и тяжесть в голове мешали вслушаться.

— Простите, не подскажете, кто это такой? — спросил Матфей у мужчины рядом, сдерживавшего напор толпы.

— О, это, друг мой, человек, который приведёт нас в светлое будущее! — восторженно ответил тот, и глаза его горели фанатичным огнём.

— В чём же его идея? Каковы планы?

— Откровенно говоря, я не в курсе. Он появился на публике лишь сегодня.

— И вы так легко стали его поддерживать?

— А почему бы и нет? — мужчина вновь устремил взгляд на сцену, восхищённо следя за каждым жестом Давида. — Он говорит то, что мы хотим слышать!

— Как хотя бы его зовут, вы знаете?

— Оу, если не ошибаюсь, то... Давид Рамаут.

— Он... еврей? — сморщив лицо, спросил Матфей.

— Да какой он еврей? Они хитрые, злые, к деньгам вечно тянутся. А по этому сразу видно — наш, чистокровный, — с уверенностью произнёс собеседник, хотя в голосе проскользнула тень сомнения.

На самом деле Давид действительно был евреем, но тщательно скрывал это. Его идеология — смесь популизма, мессианских обещаний и грубой демагогии — никак не вязалась с его происхождением. Впрочем, большинству было всё равно. Люди жаждали свободы, и им было неважно, кто её обещает.

Матфей, проталкиваясь ближе к сцене, наконец разобрал слова оратора. Беспилотники, перепрограммированные революционерами, кружили над толпой, следя, чтобы государственная армия не подошла слишком близко.

— Людиии! — визгливо провозгласил Давид, картавя и шепелявя. — Слушайте меня внимательно! Мы создадим новый мил! Без стальных плавил, без стальных богов! Только мы! Только те, кто готов идти до конца!

Его голос, высокий и слегка дребезжащий, разносился над толпой. Каждое слово он подчёркивал резким жестом — вскидывал руку, указывал пальцем, будто клеймил невидимого врага. Движения были порывистыми, нарочито широкими — он явно пытался казаться больше, чем был.

— Свобода! Победа! Власть! Смелть! — выкрикивал он, и толпа, словно загипнотизированная, кивала в такт. Девушки в первых рядах ахали и прижимали ладони к щекам, будто перед ними стоял не коротышка в помятом пиджаке, а пророк.

— Что за абсурд? — не выдержал Матфей. — Неужели кто-то действительно верит этому бреду?

Несколько человек обернулись на него с осуждением. Кто-то шикнул:

— Тише! Он говорит правду!

Среди толпы Матфей заметил девушку за спиной Давида.

«Где-то я её видел... Тыфу! Это же Полина Храброва!» — подумал он.

Полина перехватила его взгляд и прижала палец к губам, призывая к молчанию. Её голубые глаза, строгие и тревожные, словно говорили: «Не мешай. Так надо».

— Одна стлана — одна нация! — наконец произнёс Давид, и толпа взорвалась овациями. Он бросил короткий, колющий взгляд на Матфея, развернулся и зашагал прочь, едва не задев Полину.

Та жестом подозвала Матфея к себе. Пробившись сквозь ликующую толпу, он обошёл сцену и остановился перед ней.

Преображенский молча кивнул, глядя вслед уходящему Давиду. Тот уже раздавал распоряжения своим людям, размахивая руками и картаво выкрикивая приказы. В воздухе витало ощущение надвигающейся беды — словно мир стоял на краю пропасти, а этот маленький человек с наполеоновской шляпой готовился толкнуть его вниз.

— О, ты смог добраться до площади самостоятельно и даже не умер... Надо же, это достойно похвалы, — радостно завизжала Полина, бросившись в объятия Матфея, который всячески старался не подпускать её к себе. Её движения были порывистыми, энергичными, а голос — звонким, почти детским, несмотря на всю серьёзность ситуации.

— Ну да, старался изо всех сил, — придурковато улыбнулся Матфей. — Может, ты мне хоть объяснишь, что происходит?

— Весёлуха! — крикнула Полина, подняв обе руки вверх. Её глаза горели азартом, а на лице играла широкая улыбка. — Разве не здорово, что люди вновь получили свободу и теперь им есть за что бороться?

— А кто этот Давид?

— О, это самый талантливый человек из всех, кого я только знаю. Это он придумал план, как захватить власть в городе. Мы с ним недавно познакомились. О себе он, правда, мало рассказывает, но, по крайней мере, он знает, куда ведёт граждан, — в голосе Полины звучала неподдельная вера в своего лидера.

— Да ну! — удивился Матфей. — И куда же? По его речам я понял, что он обыкновенный пафосный подонок.

Полина нахмурила лицо, сдвинула брови и зарядила пощёчину Матфею, после которой сразу же сделала виноватый вид.

— Прости, пожалуйста... — жалобно произнесла Поля, пытаясь погладить Преображенского по щеке, на что тот отстранился на шаг назад. — Просто... он действительно последняя надежда наших граждан, понимаешь? Только он осмелился на такой поступок. Да, многие умерли всего за одно утро, но живые получили веру в глобальные изменения.

Её голос дрогнул, а в глазах на мгновение промелькнула тень скорби, но тут же сменилась твёрдой решимостью.

— Может быть, он и есть последний источник надежды, — произнёс Матфей. — Но даже в такой ситуации необходимо знать, за кем идёшь.

Толпа бунтовщиков к этому времени уже, в большинстве своём, разошлась захватывать остальные улицы, разнося ларьки, сжигая машины и устраивая погромы в магазинах. Пламя поднималось всё выше, дым застилал небо, а крики и выстрелы сливались в единый гул, от которого закладывало уши.

— А где же мэр и губернатор? — поглаживая свою щёку после удара, спросил Матфей.

— Эти гнусные крысы сбежали самыми первыми с корабля, — злостно ответила Полина, стиснув зубы. Её кулаки непроизвольно сжались, а на шее проступила вена. — Их никогда не волновала судьба города.

— А кого же вы тогда повесили? — спросил Преображенский, показывая пальцем на рядом висящие тела.

— А, это, — с расслабленным лицом ответила Полина. — Это прислужники нашего губернатора, которые не успели выбежать из дворца.

— Разве они заслужили смерть, просто ответственно работая?

— Да знаешь, мне как-то плевать, — холодно бросила Полина, и в её голосе прозвучала та жёсткость, которой Матфей раньше не замечал. Её голубые глаза, ещё недавно горевшие азартом, теперь стали ледяными, а губы сжались в тонкую линию. — Это не моя проблема, что они оказались в ненужном месте в ненужный момент. В конце концов, если работаешь во дворце, то всегда должен быть готов к такому исходу.

От этих слов Матфею стало достаточно противно. Он с пренебрежением посмотрел на Полину, перевёл взгляд на висельников — их тела покачивались на ветру, словно жуткие куклы, — развернулся и начал уходить. Успев сделать всего шаг, за его руку вцепилась Поля.

— Постой, постой, выключи режим сострадательного мальчика и включи немного мозги, — схватив его за рукав, настойчиво произнесла она. — Во время бунта нет времени разбираться, кто прав, а кто нет. Толпа требует крови и справедливости... по отношению к себе.

— Это называется эгоизм, — резко обернулся к ней Матфей. Его голос дрожал от возмущения. — Вы убили не только тех, кто висит здесь, а ещё стравили полгорода, обрекая многих на отвратительную смерть!

— Ох, хорошо, мистер гений, — Полина повысила голос, её лицо покраснело от злости, а глаза сверкнули вызовом. — А не подскажешь ли, что обычному народу нужно было делать во время голода, безработицы и тотального контроля? Сидеть и молча умирать?

— Я... я не знаю... — поникши ответил Матфей, опустив взгляд. Его плечи ссутулились, а руки безвольно повисли вдоль тела.

— Что и требовалось доказать, — с горькой усмешкой произнесла Полина. — Люди умерли, но они отдали жизни свои за правду. Лучше умереть свободным, чем жить в рабстве.

Через долю секунды Поля сжала руку Матфея и силой потащила за собой. Её хватка была железной, несмотря на хрупкое телосложение.

— Куда ты меня тащишь? — попытался сопротивляться Матфей.

— Тебе необходимо поговорить с Давидом, он расскажет всё как есть, — решительно ответила Полина, не сбавляя шага. Её шаги были быстрыми, почти прыгучими, словно она черпала энергию из самого хаоса вокруг.

Зайдя в захваченное здание администрации, они стали подниматься по лестнице вверх. Мраморные ступени, когда-то блестящие от полировки, теперь были исцарапаны следами ботинок и залепаны грязью. По стенам тянулись граффити, а с потолка свисали обрывки проводов.

— Можно не так быстро? — запыхавшись, спросил Матфей. Его ноги гудели от усталости, а в груди жгло от нехватки воздуха.

Глядя на Храброву, можно было сделать вывод, что она вовсе не устала, а наоборот, на энтузиазме чуть ли не взлетала ввысь. Её лицо светилось азартом, а глаза горели фанатичным огнём.

— Нет, нельзя, слабачок, — засмеялась Полина и ещё быстрее начала мчаться по ступенькам, таща за собой спотыкающегося Матфея. Её смех звенел, как колокольчик, но в нём слышалась какая-то тревожная, почти безумная нотка.

Наконец, поднявшись на третий этаж, они зашли в зал для конференций. Помещение выглядело так, будто его разграбили: столы опрокинуты, стулья разбросаны, на полу валялись обрывки бумаг и осколки стекла. В центре, в удобном мягком кресле, расположился Давид, попивая виски из бокала. Его поза была нарочито расслабленной, но пальцы, сжимающие бокал, слегка подрагивали.

— Давид! — начала Полина, стараясь говорить уверенно. — Хочу представить тебе Матфея, моего... лучшего друга.

— Лучший друг, таки? Знаем мы таких друзей — буквально на одну ночь, — Давид усмехнулся, и его картавость сделала фразу ещё более издевательской. Он окинул Матфея оценивающим взглядом, задержавшись на измазанной грязью одежде и усталом лице. — Вижу, путь к нам был нелёгким.

Полина покраснела и опустила глаза, но Матфей твёрдо ответил:

— Вообще-то я женат. Прошу выбирать выражения.

— Ого, а ты с халактелом, я гляжу, — Давид откинулся на спинку кресла, прищурившись. — Сядь, выпей со мной. Отказ не принимается.

Ловкой рукой он в считанные секунды наполнил два бокала виски и протянул один Матфею. Движения были резкими, но точными — словно он привык командовать и не терпел возражений.

— Скажи же, что круто! — затараторила Полина, дёргаясь словно ребёнок. Её возбуждение казалось наигранным, и Матфей отчётливо почувствовал: за этой наивностью скрывается что-то более серьёзное.

— Итак, — начал Рамаут, сладко растягивая слова и поправляя съехавшую набок шляпу. — Таки зачем ты пливела ко мне этого... человека?

— Он хотел узнать побольше о нашем движении и присоединиться к нам, — резво ответила Полина. Её голос звучал слишком бодро, будто она пыталась убедить не только Давида, но и себя.

— Вовсе не так, — перебил Матфей. — Я не собираюсь присоединяться к вам. Меня волнует, что происходит в городе и кто на самом деле стоит за этими событиями.

Давид медленно поставил бокал, его глаза блеснули холодным огнём, а на губах заиграла хищная усмешка.

— Ты же понимаешь, что если не подделживаешь нас, значит, ты плотив нас? — медленно произнёс он, выделяя каждое слово. Картавость вдруг перестала казаться смешной — она придавала речи зловещий оттенок, словно у ребёнка, играющего во взрослого.

— У меня нет права выбора? — прямо спросил Матфей, глядя Давиду в глаза. — Чем тогда вы отличаетесь от свергнутого режима?

Вопрос задел Давида за живое. Любое упоминание о законной власти считалось предательством. Для лидера повстанцев не существовали слова «снисхождение», «помилование»,

«любовь». Его главная цель — утвердить собственную власть. Идеи как таковой у него не было: он работал на неизвестных покровителей, получавших от него отчёты и отправлявших указания. Каждое публичное выступление заранее прописывалось в инструкциях.

— Плохой лежим заполнил нашу стлану миглантами, лоботизировал все сфелы общества, оставив людей без возможности плопитания, контлолировал каждый шаг наших соотечественников! — Давид вскочил с кресла и выбил нетронутый бокал виски из рук Матфея. — Мы будем плизнавать лишь нашу национальность!

Он загибал пальцы, выплёвывая слова с такой яростью, что Матфею приходилось жмуриться и отряхивать лицо от брызг слюны.

«И за этим полуросликом пошли люди? — подумал Матфей, еле сдерживая улыбку. — Я уже ничему не удивлюсь в этом мире».

— Я что-то сказал смешное? — нарочито гневно спросил Давид. Его лицо побагровело, глаза налились кровью.

— Нисколько, — с улыбкой ответил Матфей.

Грудь Давида тяжело вздымалась, пальцы непроизвольно сжимались и разжимались.

— Вон отсюда! Живо вон! — протяжно закричал он, указывая пальцем на выход. Голос сорвался на визг, что только усилило комичность ситуации.

Матфей вышел в коридор и не выдержал — залился смехом. Он смеялся до слёз, сгибаясь пополам и хватаясь за живот, пока эхо его хохота разносилось по пустым коридорам.

— Чего уставилась? Ты тоже выметайся! — рявкнул Давид на Полину.

Когда дверь захлопнулась, он опустил в кресло, сжал виски пальцами и прошипел:

— Смеются надо мной... Думают, я не вижу? Но скоро они поймут, кто здесь властвует. Скоро все склонятся пелед новой властью.

— Да что, чёрт побери, с тобой произошло?! — в ярости воскликнула Полина. Её лицо покраснело, а руки непроизвольно сжались в кулаки. В глазах читалась смесь раздражения и тревоги — она явно понимала, к каким последствиям может привести выходка Матфея.

Матфей, спустя пару минут, наконец смог остановить смех, вытирая падающие слёзы рукой. Его плечи ещё подрагивали от остаточных приступов веселья.

— Я... я не знаю. Он крайне забавный, — выдохнул он, пытаясь взять себя в руки.

— Ты даже не представляешь, как ты меня только что подставил! — крича, продолжила Полина. Её голос дрожал от напряжения. — Он меня на ковёр вызовет из-за тебя!

— Прости... Я правда не хотел, — успокоившись, ответил Преображенский, чувствуя, как в груди зарождается неприятное ощущение вины.

— Вот правда, что с тобой не так? — Полина шагнула ближе, её взгляд стал пронзительным. — Страна охвачена революцией, а ты смеёшься!

— Да брось, — ответил Матфей, стараясь говорить спокойно. — Нужно сохранять остаток оптимизма, какой бы печальной ни была мировая ситуация.

Про оптимизм Полины можно было и не говорить — его у неё хватало с избытком. Но сейчас она была серьёзна как никогда. Несмотря на свои девятнадцать лет, она умела чётко различать шуточные ситуации и по-настоящему серьёзные. Оптимизм служил ей своеобразным щитом, сберегая последние нервные клетки в этом безумном мире.

Когда её отчислили из строительного колледжа, всё рухнуло в один день. Официальная формулировка звучала холодно и бездушно: «Человеческий труд в этой сфере больше не требуется». Автоматизированные системы и роботы вытеснили людей даже из тех профессий, что ещё недавно считались надёжной опорой.

Полине, как и тысячам других, оставалось выбирать из скудного набора возможностей: копаться в отходах в поисках съедобных остатков или идти на риск. Учитывая её вспыльчивый нрав и упрямый характер, вариант с грабежами поначалу казался почти привлекательным. Она даже успела поучаствовать в паре мелких вылазок — кража продуктов с охраняемого склада,

налёт на полузаброшенный магазин... Но адреналин быстро сменился страхом: после того, как одного из её случайных поделщиков схватили дроны-наблюдатели и публично казнили на площади, Полина поняла: такой путь ведёт в тупик.

Всё изменилось, когда в её жизни объявился Давид. Поначалу она отнеслась к нему настороженно, но его речи о «новом мире», «справедливости» и «возрождении нации» задели какие-то глубинные струны. Он обещал работу, защиту, цель — то, чего Полина была лишена. Постепенно она начала смотреть на него как на человека, дающего надежду, — единственного, кто, казалось, видел в ней не просто выживальщицу с улицы, а личность, способную на большее.

В его глазах она нашла то, чего так не хватало: ощущение принадлежности к чему-то большему. И пусть позже в душе зародились сомнения — сейчас Полина верила. Верила так искренне, что сама почти убедила себя: Давид и правда знает путь к лучшему будущему.

— А вот если бы перед тобой стоял не Давид, а, к примеру, кто-то, кто очень тебе важен? Родители или... жена? — Полина произнесла последнее слово с особым нажимом, внимательно следя за реакцией Матфея.

Матфей внезапно затих. На его лице появился страх, перемешанный с ужасом — словно ледяная рука сжала сердце.

— Лиза! Мне срочно нужно бежать! — воскликнул он, и в его голосе прозвучала неподдельная тревога.

Преображенский пулей вылетел из здания администрации, не обращая внимания на крики Полины, истошно звучащие за спиной. Он мчался, не разбирая дороги, — мысли о жене затмили всё остальное.

Выбежав на улицу, Матфей увидел, что ситуация в городе не особо поменялась. Многочисленные погромы привели к запустению большинства улиц. Магазины были вычищены мародёрами, на дороге не ехало ни одной машины, повсюду горели шины, баррикады и некоторые квартиры. На тротуарах лежали трупы, придавая городу вид апокалиптического кошмара.

Буквально ещё вчера на качелях раздавался детский смех, а дороги стояли в пробках, которые пытались урегулировать роботы-полицейские. Сейчас же всё в один миг изменилось. Больше нет краски и радости на улице, а тех, кто вчера радовался солнцу на небе, сегодня уже нет в живых.

Всю дорогу Матфей молился про себя, чтобы с Лизой всё было в порядке, а ему самому хватило сил добежать сквозь такое расстояние. За время своего путешествия, длиною в день, несмотря на худощавость, Матфей, казалось, сбросил на нервной почве килограмм этак десять, не меньше. Его ноги дрожали, а дыхание сбивалось, но он упрямо шёл вперёд.

В скором времени, подбегая к своему дому и держась рукой за болящий бок, Преображенский поднялся по лестнице на свой этаж. Его входная дверь была изуродована вмятинами, а на полу виднелись следы крови.

Волосы Матфея сразу же встали дыбом, словно шерсть у собаки. Всё внутри сжалось — на мгновение ему показалось, что жизнь потеряла смысл. Но, обратив внимание, что дверь не была выломана, он испытал небольшое облегчение.

Несколько секунд пришлось потратить на то, чтобы дрожащей рукой нащупать ключи в кармане. На секунду показалось, что они вовсе потеряны и сейчас одиноко лежат где-то на улице.

Отыскав ключи, Матфей вздохнул с лёгким облегчением и вставил их в замочную скважину. Прокрутив три раза — столько засовов он закрывал, когда выходил, — он дёрнул дверную ручку. Таинственный полумрак окутал его, когда дверь медленно открылась.

Аккуратно продвигаясь по квартире, Матфей не обнаружил ничего опасного.

— Лиза? Дорогая, ты где? — настороженно, вполголоса спросил Преображенский. Его голос слегка дрожал от волнения.

Пройдя в зал, он заметил, что разбитые окна были зашторены, а одна из штор болталась на ветру, частью вылетая из комнаты.

Ноги Матфея онемели, а к горлу подступил ком. «Неужели всё, что происходит — правда?» — подумал он, падая опустошённо на колени в центре комнаты.

По лицу покатались слёзы, дыхание перехватило, а тело стало дрожать. Не было сил сопротивляться горю, а от безысходности, казалось, рушился практически весь мир.

В головуплыли самые яркие моменты с женой: прогулки по паркам, редкие, но запоминающиеся поездки в другой город, общие походы на службы. В этот момент пришло осознание, насколько он не ценил Лизу, когда она была рядом. Её характер, её безудержная трата денег на ненужные безделушки, её вечные подколы и шутки — всего этого теперь так сильно не хватало. Если бы была возможность вернуть хоть одну секунду, проведённую с ней, Матфей растянул бы её на несколько лет. Увы, только когда мы что-то теряем, начинаем осознавать, насколько мы были счастливы. Бывают такие утраты, которые невозможно заменить деньгами.

Так бы и размышлял в горьких слезах Матфей, избивая себя в грудь, пока не послышался внезапный шорох со стороны двери в ванную. Успев лишь повернуть голову, Преображенский увидел, как на него в темноте несётся человек.

«Это... ЛИЗА!» — радостно воскликнул в мыслях Матфей. «Но... что у неё в руках? Сковородка?!»

— Аргх! Я покажу тебе, как грабить чужие квартиры! — с воплями закричала Лиза. Её голос звучал испуганно и яростно одновременно.

В самый последний момент Матфей успел отскочить в сторону, почувствовав себя настоящим ниндзя, однако головой всё же приложился в край тумбочки, у которой отвалилась дверца. Удар сковородкой пришёлся на рядом стоящий ноутбук — экран разлетелся в щепки. «Всё равно техника только глазам вредит», — мгновенно подумал Матфей. Сделав пару кувырков назад, он отскочил в угол, закрывшись попавшейся под руку подушкой. Следующий сокрушительный удар пришёлся по пальцам, крепко держащим мягкую перину.

— А-а-а-а! — от боли закричал Преображенский. — Хватит! Умоляю! Лиза!

В миллиметре от головы сковородка внезапно остановилась, нагоняя холодный ветерок.

— Матфей? — удивлённо спросила Лиза. От слёз её лицо опухло, а губы приобрели синий окрас. Осознав, что это действительно её муж, она успокоилась и снизила громкость голоса. — Знала бы заранее, то взяла бы что-то потяжелее...

Когда стало понятно, что с женой всё в порядке и она в целости стоит прямо тут, Матфей заулыбался, выдав нелепый смешок.

— Тебе смешно? — крикнула Лиза, ещё больше пуская слёзы. — Ты абсолютный мерзавец, Преображенский! Тебя не было целый день, в то время как на улице царил беспорядок!

— Тише, любимая, — аккуратно подполз Матфей к жене. — Всё ведь хорошо, мы в безопасности.

— Болван, о какой безопасности ты сейчас говоришь? — глаза Лизы стали напряжёнными. Она выронила сковородку из рук, но кулаки держала наготове. — Мы не можем гарантировать, что прямо сейчас никто не вломится в нашу квартиру и не убьёт нас!

В воздухе повисло раскалённое напряжение, жар словно окутал комнату — будто солнце на сотни тысяч километров приблизилось к земле. К сожалению, выхода из данной ситуации не было: волнения охватывали уже каждый город. Уезжать не имело смысла, да и некуда. Вся страна, как и многие в мире, стала пылать огнём в мгновение ока, превратившись в развалины.

Матфей начал подползать к жене в надежде обнять её и успокоить.

— Не надо... — тихим голосом промолвила Лиза, шмыгая носом и уворачиваясь от объятий. — Лучше скажи, что нам делать, так жить невозможно.

Несмотря на сопротивление, Матфей всё же смог прижать к себе обессиленную Лизу. Её голова тяжело упала на грудь мужа, промолив его одежду слезами. Они сидели на полу, вздра-

гивая от пережитого стресса. Матфей чувствовал, насколько жене страшно и как ей горестно от всего происходящего. Хотелось как-нибудь помочь, что-нибудь предпринять. Ситуация требовала мужского решения, трезвости, решительности, но они оба прекрасно понимали, что выхода нет. В ближайшие дни оставалось только надеяться, что ситуация устаканится и горе пройдёт стороной.

Болезненнее всего было осознавать, что от тебя абсолютно ничего не зависит. Ты словно маленькая пылинка в воздухе, путь которой определяется потоком ветра.

На таких размышлениях Матфей вспомнил свои странные сны, в которых он также чувствовал собственное бессилие. Воспоминания нагнали зловещий оттенок — по спине побежали мурашки. И ведь тогда, после молитвы и воспоминания о Христе, внезапно появлялись силы, начинало чувствоваться ощущение безопасности, в конце концов, появлялась надежда.

За окном громыхали взрывы, во все стороны разлеталась земля, слышались крики людей, вой сирен и голоса из громкоговорителей, требующие от граждан срочной остановки повстанческого движения в обмен на рассмотрение менее строгого наказания.

— Я знаю... знаю, что нам остаётся делать, — сказал Матфей, поднимаясь на ноги и упираясь рукой в тумбочку. Его голос звучал твёрже, чем минуту назад, — в нём появилась решимость.

Окно давно выдуло на улицу всё накопленное тепло, а вечерний холодный ветер стал обволакивать всю квартиру. Но из-за погромов нельзя было ощутить понижение температуры: пламя от полыхающих машин заменяло не только отопление в доме, но и электричество — всё и так прекрасно видно без лампочки.

Матфей поставил на ноги Лизу, которая продолжала шмыгать носом, опустив голову вниз. У неё было мало сил стоять: шатаясь из стороны в сторону, она чудом не завалилась на пол, но из последних сил держалась на ногах.

Подойдя к уголку с иконами, Матфей перекрестился, открыл молитвослов и стал про-износить начальные молитвы. Его голос дрожал, но становился увереннее с каждым словом. Дойдя до псалмов, он услышал за окном внезапный свист, режущий ухо...

Взрыв! Барабанные перепонки за долю секунды заложило, образовался пронзительный писк. Выстрелы раздавались прямо под окном, а жужжание беспилотников не останавливалось ни на минуту. В любой момент один из таких летательных аппаратов мог влететь в квартиру, оставив после себя сгоревшее помещение.

Но взрывы не смогли отвлечь ни Матфея, ни Лизу. Она стояла с закрытыми глазами и молилась вместе с мужем, обессиленно держась за его руку. Осознание того, что ты несёшь ответственность не только за себя, но и за жену, побудило Матфея к ещё более горячей молитве.

— Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится... — продолжал усердно молиться Матфей, пока комнату периодами освещало оранжевое зарево.

Взрыв! Послышались звуки летящих осколков, стучащих по стенам и полу.

— Не убоишися от страха ночного, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая...

Внезапный свист, шум рассекаемого воздуха и треск ломающихся деревьев. Стены стали трястись из стороны в сторону, будто находишься на качелях. Откуда-то с верхних этажей полетели кирпичи и стройматериалы — видимо, беспилотник всё же попал в одну из квартир подъезда.

— Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое... — трясущимся голосом продолжал Матфей. Его губы дрожали, но слова звучали отчётливо и твёрдо.

Лиза к этому времени уже перестала дрожать. Ей уже не было так страшно умирать — ведь рядом был муж, и вместе с ним уходить из жизни казалось легче. Она перестала крепко жмурить глаза, расслабилась, руки практически перестали трястись. В её взгляде стало прояв-

ляться умиротворение. Не важно, что за окном творится настоящий ад — главное, что сердце открыто и спокойно.

— Долготою дней исполню его и явлю ему спасение Мое, — закончил молитву Матфей.

На последних словах Лиза склонила голову и, повиснув на предплечье мужа, не имея сил, уснула. Преображенский одной рукой закрыл молитвослов, положил его на полку, взял жену на руки и под свист пуль и стрельбу отнёс её в ванную.

«Придётся ночевать здесь. Хотя немного безопаснее», — обдумал свои действия Матфей. Было ли там действительно безопаснее — вопрос хороший. Нельзя однозначно ответить, что лучше: погибнуть мгновенно от взрыва беспилотника или быть похороненным заживо под обломками своего же дома.

Принеся подушки и разложив их на полу, Матфей положил Лизу и лёг рядом сам. Жена спала, как невинный ребёнок, только что вкусно поевший. Уголки её губ слегка приподнялись, изображая лёгкую улыбку.

Матфей лежал рядом и гладил её по голове, ухом вслушиваясь в каждый разрыв бомбы.

«Насколько же ты прекрасна», — произнёс он про себя, забыв о страшных событиях на улице. «А ведь обещал себе, что начну ценить каждую секунду жизни рядом с тобой... Но нет — спешка, спешка... Вот и жизнь теперь может оборваться в любую секунду... А я так мало сказал, насколько сильно тебя люблю...» — со слезами на глазах размышлял Матфей, с каждым разом всё сильнее обнимая Лизу.

Так он и лежал, заливаясь слезами — может, час, а может, и два. За это время взрывы чуть поутихли, и Матфей даже не заметил, как уснул. Его рука всё так же обнимала жену, а лицо, мокрое от слёз, выражало одновременно боль и странное, почти неземное умиротворение.

2.3. ЧВК «Справедливость»

Тем временем из тюрем страны стали освобождаться заключённые. С боями митингующие прорывались в запрещённые здания, освобождая тех, кто невинно отбывал срок, и тех, на чьих плечах действительно лежали преступления. Воздух наполнялся гулом толпы, запахом пороха и дымом — хаос набирал обороты, словно неудержимая стихия.

В одной из городских тюрем находился заключённый № 667 — Стефан Бойцов. Его историю можно начать рассказывать со школьных времён, ведь именно там он познакомился с Матфеем. С самого первого класса они были не разлей вода. Вечно встречали во все возможные авантюры и часто оказывались в кабинете директора, который запугивал их — от вызова родителей в школу до отчисления.

Стефан вечно провоцировал своего друга на какое-то баловство: намазать стул учителя клеем, подложить колючие кнопки, закинуть в школьный туалет дрожжи, изрисовать стены коридора всевозможными рожицами. Матфей по своему характеру не особо поддерживал такие действия, но после умелых уговариваний Стефана с энтузиазмом соглашался — дружба была сильнее осторожности.

Отношения между друзьями слегка пошатнулись в начале старшей школы. Именно в этот период Стефан начал совершать мелкие преступления, вечно зазывая друга к присоединению, — на что Матфей решительно отказывался. Взлом чужих банковских карт, мошенничество, участие в азартных играх — всё это не интересовало Матфея до такой степени, чтобы рисковать своей свободой.

Стефан стал прогуливать уроки, меньше видется с другом, вплоть до игнорирования звонков, вести разгульный образ жизни. Стали появляться деньги, а вместе с ними — и преследования со стороны закона. Органы опеки собирались отправить Стефана в детскую колонию, но по неизвестным причинам так и не сделали этого. Из-за внешнего напряжения дело доходило и до попыток самоубийства, но часто не хватало смелости осуществить задуманное.

Наконец, в один из дней, собравшись духом, Стефан отправился в школьный туалет с ножом. За ним следовал Матфей, решительно настроенный поговорить с ним о его состоянии. Взглянув последний раз в окно, Стефан со слезами на глазах достал нож и уже собирался провести лезвием по венам, как вдруг его с ног сбил друг.

— Что ты делаешь?! — закричал Матфей, пытаясь скрутить отчаявшегося Бойцова. Его голос дрожал от страха и отчаяния.

— Я... я не могу уже... — прошептал Стефан, задыхаясь от рыданий.

— Не можешь что? Быть мужчиной, отвечающим за свои поступки? — голос Матфея звучал жёстко, но в глазах читалась боль.

Стефан не смог ничего ответить разъярённому другу, лишь издавал истошные всхлипы. После продолжительной истерики Бойцов посмотрел на Матфея и начал говорить:

— А что мне остаётся делать? У меня не осталось никого рядом, я абсолютно один.

Он откинул нож в сторону, так и не завершив начатое, сел в углу уборной, прижав колени к груди, и начал смотреть в пустоту. Матфей, видя удручающее состояние друга, присел рядом, крепко обнял его за плечо.

— Может быть, ты просто не замечаешь радости и позитива вокруг?

— Позитива? — разочарованно ответил Стефан. — Какой позитив? Меня в любой момент могут отправить в колонию, после которой жизнь уже не будет прежней. А если не отправят, то после выпуска кем я стану? Знаний у меня никаких нет, я только и могу, что применять силу и зарабатывать деньги незаконным способом.

— Знаешь, — начал Матфей, глядя другу прямо в глаза, — вокруг много возможностей, о которых ты и не догадываешься. Необходимо просто... начать.

— В нашем возрасте уже необходимо точно знать, что будет дальше, а мне уже поздно.

— Никогда не поздно измениться и найти себя. С тобой всегда рядом я. И как друг я советую тебе пойти в воскресенье со мной на службу.

— В богадельню? — с неприязнью ответил Стефан. — Я никогда не был там, да и не знаю, что и как.

— Не богадельню, а храм Господень. Попробуй просто помолиться, попросить у Бога помощи. Я уверен, что Он не оставит тебя.

Спустя пару дней они оба стояли у ворот храма. Стефан нерешительно сделал шаг вперёд и замер. Внутри него царило непонимание происходящего, а ноги отказывались идти.

— Не переживай, пойдём, я всё тебе покажу и расскажу, — настоял Матфей, мягко подталкивая друга внутрь здания.

Зайдя в храм, Стефан ощутил внезапное облегчение и гармоничное чувство спокойствия. Воздух здесь был пропитан тишиной и умиротворением. Людей, как и всегда, было достаточно мало, так что Стефан не испытывал никакой суеты.

— Ну, я в алтарь, а ты выбери удобное место и постарайся проникнуться молитвой. Проси, чтоб Господь отпустил тяжесть на душе и указал верный путь, — сказал Матфей и отошёл.

Всю жизнь Бойцов воспринимал храм как некое здание, наполненное религиозными фанатиками и ворчащими бабками. К самому Православию он не имел радужных эмоций, однако в младенчестве был крещён и всегда с уважением относился к выбору Матфея.

В тот день мировоззрение Стефана круто поменялось. Он стал ощущать надежду и утешение. Во время службы слёзы так и накатывались на глаза, хоть многое из песнопений было непонятным. Наблюдая за прихожанами, стоящими впереди него, он в точности повторял их движения и крестился, словно попугай, повторяющий слова своего хозяина.

По окончании службы Стефан стал осматривать иконы. До дрожи в костях его пронзил серьёзный взгляд Спасителя, расположенный на куполе. Не зная, что и говорить, он повторял в голове лишь одно слово: «Помоги».

Помимо Спаса Нерукотворного внимание Бойцова привлекла икона, висевшая на одной из колонн храма. На ней стоял святой с мечом в руках и в великокняжеских одеждах.

— Кто это? — спросил Стефан у подошедшего только что Матфея.

— Это Александр Невский, не узнал что ли? — улыбнулся Матфей.

Бойцов проникся взглядом благоверного князя, в котором выражалось мужество и стойкость. Никогда раньше он не испытывал таких глубоких переживаний.

— Я заметил, что у тебя нет крестика. Вот, возьми мой и надень дома, у меня есть ещё, — прервал трепет Матфей, протягивая другу распятие.

Направившись в сторону выхода, Стефан не мог пройти мимо церковной лавки, в которой он сразу же заметил карманную икону Александра Невского. Приобретя её, они вышли из храма.

Спустя несколько месяцев завершились экзамены в школе, и перед подростками встал трудный выбор дальнейших шагов во взрослую жизнь.

Матфей, после смерти отца пообещавший сам себе, поступил в семинарию, а Стефан подписал контракт на военную службу и отправился добросовестно защищать родину. Они изредка списывались, обменивались информацией друг о друге и старались поддерживать дружеские связи. Нельзя сказать, что вера Бойцова окрепла, но, по крайней мере, он всегда носил крестик на шее, целуя его в трудные минуты, молясь и вспоминая друга, а в его кармане военной формы всегда лежала иконочка Александра Невского.

Стефан побывал во многих горячих точках, где оттачивал мастерство ведения боя. Со временем он стал офицером с множеством наград и достиг значительных достижений в кратчайшие сроки.

Всё изменилось после принятия решения поступить в военный вуз. Популярность Бойцова критически сказывалась на скептицизме генерала, в дивизии которого он служил. В Стефане видели будущего генерала, способного заместить нынешнего. По этой причине было принято решение «убрать» офицера.

Его отправили на один из постов с несколькими солдатами, с приказом проверить их деятельность. Прибыв на место, Бойцов внезапно отошёл по личным делам. В это время пост накрыли огнём, уничтожив всех солдат. Лишь чудом он единственный смог уцелеть.

Вернувшись к генералу, он обнаружил удивление на его лице. Стало сразу понятно, кто виноват в произошедшем. К вечеру Стефана схватили и обвинили в предательстве, ссылаясь на то, что именно он уничтожил своих боевых товарищей. Ему впаили пожизненный срок и заключили в тюрьму, ежедневно строго пресекая любой план побега.

Отбыв чуть более полугода в заточении, началась революция. В этот день Стефан, как и всегда, находился в своей камере, вздыхая от несправедливости. Он успел уже обзавестись единомышленниками, которых подобным образом также лишили свободы. Надзиратели относились к нему с уважением, зная его заслуги. Большинство прекрасно знало, что вины на нём не было, но, увы, никак не могло на это повлиять. Может быть, и было у кого-то желание помочь выбраться из заточения, но роботы, управляющиеся искусственным интеллектом, строго наблюдали за каждым действием преступников.

— Что это за звуки? — насторожился Стефан и обхватил руками решётку, прижавшись к ней.

По всей тюрьме слышалась сирена, а из стороны в сторону мчались с криками смотрители. Никто не понимал, что происходит. Роботы-охранники разъезжали и проверяли каждую камеру, анализируя, не устроил ли кто-то побег. Всем было приказано отойти от решёток и занять место в центре камеры..

— Всем поднять руки вверх и стоять неподвижно до выяснения обстоятельств! — грозный крик прозвучал в громкоговоритель, эхом отдаваясь в каменных стенах тюрьмы. Голос был безжизненным, механическим — явно принадлежал роботу-диспетчеру.

Лазеры, установленные в каждой клетке, пришли в боевую готовность: тускло мерцающие красные точки забегали по стенам и лицам заключённых. Один из узников, охваченный паникой, не стал слушать приказа — и в тот же миг был мгновенно уничтожен. От него осталась лишь горстка пепла и тлеющих костей, распространяющих едкий запах гари. Воздух наполнился страхом — осязаемым, густым, почти материальным.

На территорию тюрьмы стали проникать бунтовщики. Они не щадили никого: перепрыгивая через трупы поверженных надзирателей, мчались вперёд, взрывали двери динамитными зарядами, добивали тех, кто отказывался сложить оружие. Грохот выстрелов, крики, лязг металла и вой сирен сливались в адскую какофонию. Система безопасности была выведена из строя — захват здания шёл стремительно, неумолимо.

Стефан прижался к решётке, вглядываясь в хаос за пределами камеры. В его груди закипала смесь ярости, надежды и недоверия. «Неужели это шанс?» — пронеслось в голове. Он сжал кулаки, костяшки побелели.

Дверь его камеры с грохотом распахнулась. Перед ним стоял один из бунтовщиков — в потрёпанной куртке, с автоматом наперевес и лицом, изрезанным шрамами.

— Ты Бойцов? — хрипло спросил он. — Говорят, ты офицер. Нам такие нужны.

Не дожидаясь ответа, мужчина бросил Стефану бронежилет и пистолет.

— Решай сейчас: или с нами, или оставайся гнить здесь.

Стефан на мгновение замер, взвешивая выбор. В голове промелькнули образы: Матфей, икона Александра Невского, крестик на шее. Он резко схватил оружие, натянул бронежилет.

— Я с вами, — произнёс твёрдо, и голос его прозвучал неожиданно уверенно.

Он ринулся вперёд, освобождая людей из соседних камер. Заключённые, ещё минуту назад покорно стоявшие в центре своих клеток, теперь бросались к оружию, выкрикивали проклятия, плакали от радости. Кто-то обнимал товарищей, кто-то молился, кто-то просто смеялся, не веря в происходящее.

По окончании погрома толпа разъярённых бунтовщиков вывела на задний двор начальника тюрьмы. Он стоял, бледный и дрожащий, в окружении озлобленных лиц. Его глаза метались, ища спасения, но его не было.

— За годы произвола, за сломанные судьбы, за тех, кого ты отправил на смерть без суда и следствия! — выкрикнул один из бунтовщиков.

Без лишних слов ему отсекли голову с плеч. Кровь хлынула на асфальт, а толпа взорвалась криками:

— Да здравствует свобода! — орали заключённые, уже позабыв, какой на вкус свежий воздух. Их голоса были хриплыми, надрывными, но в них звучала первобытная радость освобождения.

Пользуясь авторитетом, который он успел заслужить среди бунтовщиков своими чёткими и решительными действиями, Стефан решил проявить инициативу. Он поднялся на импровизированную кафедру — опрокинутую тележку для перевозки провизии — и поднял руку, призывая к тишине. Шум постепенно стих, сотни глаз устремились на него.

— Сегодня была восстановлена справедливость! — начал свою речь Бойцов, и его голос, усиленный годами дисциплины и внутренней силы, разнёсся над толпой. — Но это лишь начало! Я благодарю всех причастных к этому великому делу. Вместе нам с вами предстоит освободить точно таких же, как и мы, — тех, кто томится за решёткой без вины или по ложному обвинению!

Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся. В их глазах читалась надежда — хрупкая, но живая.

— Я объявляю о создании ЧВК «Справедливость» и призываю каждого из вас примкнуть к этому благому делу! Мы не станем мстить, мы станем защищать! Защищать тех, кого предали, и восстанавливать правду там, где её растоптали!

— Ура-а-а! — бывшая тюрьма залилась криками и аплодисментами. Люди хлопали по плечам друг друга, обнимались, поднимали оружие в воздух. В этот момент они перестали быть просто заключёнными — они стали армией.

Стефан стоял на возвышении, вглядываясь в лица. В груди что-то дрогнуло. Он вспомнил слова Матфея: «Никогда не поздно измениться и найти себя». Может быть, именно сейчас он нашёл своё предназначение? Взгляд его упал на крестик, спрятанный под бронежилетом, а затем — на карманную икону Александра Невского в нагрудном кармане.

«Помоги мне, святой князь», — мысленно произнёс он. И, расправив плечи, громко добавил:

— Первый пункт нашего плана — освободить соседние тюрьмы и дать людям выбор: присоединиться к нам или начать новую жизнь в свободном мире! Кто со мной?

Толпа снова взорвалась одобрительными криками. В этот миг Стефан Бойцов перестал быть заключённым № 667. Он стал лидером.

2.4. Анаксиос

Проснувшись под утро, Матфей вздрогнул от резкого звона в ушах. Казалось, сама тишина кричала — оглушительно, беспощадно. Он повернул голову: Лиза мирно спала рядом, её дыхание было ровным. Только тогда он выдохнул с облегчением, потянулся за телефоном — и увидел пропущенный вызов от Луки. Связь, похоже, понемногу восстанавливали. После нескольких попыток в трубке наконец раздалась гудки.

— Алло, ты как? — послышалось с другого конца провода.

— Такое себе, лежим в ванной... Ты как?

— Могло быть и лучше. Если б не милость Божия, уже лежал бы под завалами здания.

— Понимаю...

На короткое время повисло тяжёлое молчание, лишь изредка перебиваемое тихим похрюпыванием Лизы.

— Вы... что будете делать дальше? — осторожно спросил Лука.

— А у нас есть выбор? Вся страна, как и весь мир, охвачена беспорядками. Бежать некуда.

— Мы последнее время живём на измене. Хочешь перебраться ко мне с Лизой? Вместе держаться гораздо проще.

— А литургии? Я не в твоей епархии служу.

— Не думаю, что сейчас ты будешь часто служить — людей не будет от слова совсем. А по воскресеньям бери мою машину. Да, старая, но двигаться может.

— Я обязательно подумаю и сообщу тебе в ближайшее время. Спасибо, — задумчиво ответил Матфей.

— Слушай, я знаю, что всё изменилось слишком быстро, мозги ещё не осознают происходящего, но нужно идти на контакт с возможной новой властью. Иначе они нас просто сожрут.

— Знаю я эту новую власть, — пробормотал Матфей. — Давид — абсолютный глупец.

— Глупец не глупец, а люди за ним следуют — причём во всех городах.

Преображенский тяжело вздохнул, поглаживая Лизу по голове. Она недовольно фыркнула сквозь сон и прижалась ближе к мужу.

— Думаю, стоит навестить владыку, мне нужно с ним... — не успел он закончить фразу, как связь оборвалась. В тот же миг за окном что-то бабахнуло — глухо, угрожающе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.